

ВИКТОР БАТЮКОВ

ИЗ ЯБЛОКА
В ОГРЫЗОК

И ОБ-
РАТ-
НО

детектив

Виктор Батюков

Из яблока в огрызок и обратно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68415133

SelfPub; 2023

Аннотация

Ранним утром на заднем дворе кафе наряд милиции рядом с трупом известного бизнесмена застаёт Геннадия Огрызкина, человека без определенного места жительства. Казалось бы, его участь предрешена, но он сбегает из отделения милиции и, чтобы доказать свою невиновность, начинает свое расследование, которое приводит к неожиданным результатам. В ходе своих изысканий Огрызкин не только находит убийцу, но и возвращает себе свое настоящее имя. Интриги, приключения, неожиданные повороты и много искрометного юмора в ходе всей этой истории ждут читателя на протяжении всего детектива.

Виктор Батюков

Из яблока в огрызок и обратно

Гена Огрызкин сладко потянулся во сне, и тут же оказался на заплеванном асфальте.

– Хорошая это вещь – скамейка, – потирая ушибленный бок, пробормотал он – никогда на ней не проспичь. Я раньше от будильника так не вскакивал. Значит, что у нас там по расписанию? – Гена наморщил лоб. В такой позе он простоял несколько секунд, затем плюнул, и взял пустую, выдавшую виды торбу. «Какое, в пень, расписание, если так выпить охота, что даже закусить тянет». Огрызкин подошел к ближайшей урне, выудил оттуда окуроч побольше, прикурил от завалявшейся в кармане потрепанного пальто, спички, и побрел по алее в сторону ночного кафе. «Помнится мне, сегодня ночью там хорошая гулянка была – значит, в бачках и бутылок, и чего-нибудь на зуб будет,» – размышлял он. Когда Гена вошел на задний двор этого злочно заведение, его взору представилась картина, вселяющая в истомленную похмельем душу радужные надежды. У дальней стены забора высились два огромных контейнера, доверху наполненных пустой стеклотарой и пластиковыми пакетами с остатками ночного пира.

– Ежа мне подмышку, если это не сон! – радостно воскликнул Огрызкин. – Столько добра и без охраны! Даже Сани Шустрика здесь нет. Обычно он такие праздники еще с вечера сторожит. Но, как говорится, не вся вода с градусом. Сегодня будет мой день.

Попрыгав еще с полминуты, Гена сал подкрадываться к заветной цели походкой престарелого орангутанга. Когда до контейнеров оставалось не больше пяти шагов он вдруг заметил на лужайке, отделенной от дорожки живой изгородью, пачку из-под дорогих сигарет. А из нее, словно манящий пальчик, торчал сигаретный фильтр.

– Ну, если здесь еще и закурить предлагают... – обалдело присвистнул Огрызкин, и, не закончив мысль стал пробираться сквозь кусты.

– Иди сюда, моя маленькая, иди сюда, моя сладенькая, – сюсюкал от избытка чувств Гена, когда его нога зацепилась за что-то мягкое, и он чувствительно приложился носом о землю.

– Вот блин! Разбросают разный хлам, честным людям пройти негде! – ругнулся он, потирая ушибленное место. Когда Огрызкин повернулся, чтобы посмотреть, обо что он зацепился, то так и застыл, стоя на четвереньках. Под кустом лежал человек.

– Вот это бифштекс! – от неожиданности воскликнул Гена. – И как тебя угораздило здесь оказаться? – уже более спокойно сказал он, разглядывая лежащее на земле тело. Это

был хорошо одетый мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, плотного телосложения, с коротко стриженными, темными волосами, смуглым, чисто выбритым лицом и стеклянными, глядящими в пустоту, голубыми глазами.

Оргызкин встал, отряхнулся, дотянулся до сигареты и присел на корточке рядом с телом.

– Что-то мне подсказывает, что искусственное дыхание ему уже не поможет, – стал он размышлять вслух, переводя взгляд со скрученных в агонии пальцев рук на торчащую из груди рукоять ножа. – И как же ты, дядя, сумел в таком не подходящем для тебя месте на такой «сучок» напороться? Даже как-то странно. – Затем, немного помолчав и тяжело вздохнув, пододвинулся поближе к труп. – Но раз тебе уже все равно, может одолжишь мне свою зажигалку? А то мне прикурить нечем.

Преодолев некоторую робость, Огрызкин стал осторожно шарить по карманам покойника.

– У меня есть такое ощущение, что мы с тобой, Серега, в этом месяце получим премию, – раздался над Гениной головой чей-то голос. Огрызкин вздрогнул и поднял глаза. Рядом с ним стояли два молодых человека, и судя по форме, это были не официанты из кафе. Поняв, в какой глупой ситуации он оказался, Гена тяжело вздохнул и медленно, без резких движений, дабы не спугнуть слугителей Фемиды, поднялся.

– Выбирай, приятель. Либо идешь спокойно, без фокусов к машине сам, и мы не одеваем на тебя «браслеты», либо

мы применяем третью степень усмирения, и ты, опять же, ползешь в заданном направлении, но уже в наручниках, – подойдя к Гене вплотную и ухмыляясь, сказал старший по возрасту и, скорее всего, по званию.

– Типа, постоянным клиентам скидка?

– Типа того. Ну так как?

– Хорошо, идемте. Я вижу, вам просто не терпится поскорее выписать мне ордер на бесплатное жилье, – невесело усмехнулся Огрызки и потянулся за своей торбой, но поднять ее ему не дали.

– Иди давай! – толкнул его Серега. – Твое барахло мы сами заберем.

– Это будет очень любезно с вашей стороны. Только поосторожнее, прошу вас, это очень дорогая и хрупкая вещь, – заметил он и, засунув руки в карманы, пошел за старшим.

Всю дорогу до отделения Огрызкин пытался подготовить свою оправдательную речь, но все, что он придумывал, было смешно и необедительно даже для него самого.

Когда они, все втроем, вошли в кабинет, старший утробился поудобнее в новенькое вертящееся кресло за столом и указал Гене на жесткий табурет напротив. Его напарник пригнулся на стуле рядом с дверью.

– Ну, рассказывай, как ты до этого докатился?

Огрызкин поднял вверх глаза, пошевелил пальцами ног и переспросил:

– Вам подробную биографию или вкратце?

– Подробную у тебя потом потребуют, а сейчас начни с того места, как ты познакомился с тем человеком.

– Не поверишь, командир, я о него споткнулся.

– Он чего, пьяный под кустом валялся?

– Да я как-то дыхнуть на меня не просил.

– Так... – следователь в нетерпении заерзал в кресле. – Давай сначала. Как ты вообще оказался на заднем дворе кафе?

– Как обычно. Охотился.

– Ага! – навалился грудью на стол следователь. – Ты знаешь, что по утрам охотишься на пьяных граждан!

– Командир, пьяными по утрам бывают только либо бомжи, либо подобные им алконавты. А остальные мало-мальски приличные люди, поднявшись с постели или с пола (тут как кому повезет), выпивают стакан рассола и идут на работу. Я на стеклотару охочусь.

– Итак, – застучал концом ручки о стол следователь. – Ты зашел туда, чтобы собрать пустые бутылки, так? И что дальше?

– Дальше я направился к мусорным контейнерам. Вы заметили, сколько там «пушнины»? – Огрызкин боковым зрением отметил, как напарник следователя удивленно вытаращил глаза и замотал головой.

– А зря. Если ее сдать, получится кругленькая сумма.

– Я это учту, пригодится, когда выйду на пенсию. Ты не отвлекайся. Что было дальше?

– Иду я, значит, по дорожке к своей добыче и вижу – за кустами пачка сигарет лежит. Представляешь, начальник, утром, когда так курить хочется, что любому приличному «бычку» рад – и вдруг целая пачка! Это как приз в суперлото, а то и круче. Я, естественно, бросился к ней. Вот тогда-то мы и столкнулись.

– Ага! Значит, он за кустами стоял.

– Не совсем. Лежал.

– Ну, допустим. Он тебе что-нибудь сказал?

– Понимаешь, командир, – тяжело вздохнул Огрызкин, вполне осознавая, куда клонит следователь. – Ему было уже абсолютно пофигу, кто по нем топчется.

– Ты думаешь?

– Знаешь, когда у тебя вместо заколки для галстука торчит нож, то, по-моему, совершенно неважно, кто тебе на ноги наступил, – начал терять терпение Гена.

– Так ты хочешь сказать, что споткнулся уже о труп?

– Для своей работы вы очень проницательны, – усмехнулся Огрызкин.

– Слушай, ты, юморист! – следователь в раздражении бросил ручку на стол. – Кончай острить, а то мы с Серегой тоже известные хохмачи. Так пошутим, что тебе потом улыбаться нечем будет. – Тут он привстал и с силой ударил кулаком по столу. – Колись живо, за что ты его пришил!

Огрызкин грустно посмотрел на опрокинувшийся от удара бюстик Дзержинского и тихо произнес:

– Поаккуратней, командир, а то ваш талисман голову ушиб.

Подняв глаза, он встретился с полным ненависти взглядом следователя, чуть погромче, но твердо добавил:

– Я никого не убивал!

– Серега, закрой дверь на ключ, – полушипя произнес следователь и стал медленно подниматься из-за стола.

Попытавшись открыть глаза, Огрызкин с удивлением обнаружил, что левый совершенно его не слушается. «Адмирал Гена Нельсон. Звучит, – подумал он и поморщился. – Нет. По-моему, у меня в голове звучит сводный хор дворовых котов в сопровождении рок-группы «Бешенные балалайки». Ох! Даже остричь больно».

С трудом поднявшись с целительного пола, Гена практически на ощупь нашел привинченные к стене нары и тяжело опустился на них. «Интересно, а бюстиком они тоже ко мне прикладывались? Наверное, нет. Праотец все-таки. Ох, и прав Минздрав, предупреждая, что курение вредит нашему здоровью. Теперь пусть у меня рука отсохнет, если я прикоснусь к сигарете». Огрызкин попытался усесться поудобнее, но, двинув правой рукой, снова охнул от боли. «Но-но, не так быстро, я же не закурить хочу».

Сколько времени он провел один в этой сырой и мрачной камере, Гена не знал, но, судя по тому, как боль из нестерпимо острой начала переходить в тупую ноющую, понял, что

не один час, когда дверь с лязгом отворилась, и в помещение полувбежал-полувлетел его знакомый Витя Левый. Он был основательно накачан «зеленым змием», так как, не успев поцеловать шершавую стену, Витя развернулся и с храбростью тореадора Александра Матросова бросился на уже захлопнувшуюся дверь.

– Я гражданин своей страны и требую к себе уважения! – принялся он кричать в замочную скважину. – Мне положен один звонок, адвокат и чистое постельное белье.

– Слышь, ты, Мандела. Не ори. От твоих воплей мои коты еще сильнее реветь начали, – поморщился от головной боли Гена.

Виктор отпрянул от двери и с удивлением уставился в угол. Через пару минут в его глазах засветилась какая-то мысль, и радостная улыбка расплзлась по его опухшему лицу.

– Огрызок! И ты здесь! – он плюхнулся рядом с Геной на нары и попытался было его обнять, но Огрызкин уперся здоровой рукой ему в грудь.

– Но-но, потише, я тебе не Таня Синька. Тем более что мне сегодня уже довелось кое с кем поручкаться.

– С кем это?

– Судя по моему состоянию – с экскаватором, – прислушавшись к себе, сделал вывод Гена.

– Отметелили, сволочи! – всплеснул руками Витя. – И за что же они тебя?

– Да так. На заднем дворе кафе «Штофик» сигареты не поделили.

– Свистишь, как всегда, – откинулся к стене Витя, но тут же ,сел полуобернувшись к Гене. – Слушай! Сегодня ночью у этого кафе со мной такая хохма была!

Огрызкин устало прислонился затылком к сырой шершавой стене и обреченно подставил уши под водопад пьяных слов.

– Прикинь. У меня день вчера выдался, прям не день, а сплошной облом какой-то. На моем участке сплошной голяк. Будто народ решил сам бутылки и картон сдавать. Я часов до трех дня чуть ли не на брюхе каждый метр излазил – ничего. Даже приличного окурка не нашел. Помаялся-помаялся, вижу – дрянь дело, ни то, что на «пузырь», на пирожок не наскребется. Ближе к вечеру, когда уже совсем прижало, решил я к Ваньке Бритому заглянуть. Там у гастронома всегда есть чего перехватить. Сунулся, да на него же и наскочил. Ох, и отгреб я по полной программе. Короче, так, трезвый и нежратый похромал к себе в бойлер на ночлег. Прихожу, глядь – а на двери замок висит. Новенький, зараза, еще смазкой пахнет. Все, думаю, Витек, лишили тебя твоего теплого логова. В общем, побрел я искать, где прикемарить. Нашел один открытый подъезд, примостился между этажами и только задремал, как кто-то мне ка-ак даст под ребра. Даже дух перехватило. Глядь, а это трое пацанов с девкой. Стоят надо мной, лыбятся. Один тут и говорит: «Хочешь, Маш, я

ради тебя его прирежу?» А она, малолетка крашенная, ржет. «Хочу – говорит. – А то от него плохо пахнет». Сама бы себя понюхала, дура. Э-э, думаю, как-то не больно хочется на голодный желудок на перо усаживаться. И пока они прикидывали, как меня освежевать – рванул из подъезда. Остановился я только в парке и то потому, что в темноте на дерево налетел. Пока в себя приходил, слышу, где-то рядом музыка гремит, люди орут, короче, гулянка в самом разгаре. Ага, думаю, не иначе в «Штофике» веселуха. Надо бы заглянуть. Пробрался я на задний двор, угнезвился в кустах, сижу, жду, когда посудомойки отходы выносить будут. Ждать, правда, недолго пришлось. Вскоре вынесли два здоровых пакета с разной закуской и целую коробку пустой тары. Когда девки ушли – я к контейнеру, гляжу, а там уже Шустрик ошивается. Увидел меня, оскалился, подзывает. Подходи смелее, здесь добра на двоих хватит. Я, конечно, ломаться не стал. Подсел к нему. У него даже выпить нашлось. Короче, нажрался я там от пуза, а уходя еще и тары прихватил сколько мог. Я че? Шустрик не возражал. Ну, а теперь сам прикол. Тяну я свой «улов» припрятать до утра, и только поравнялся с главным входом, как дверь открывается, и вываливаются оттуда двое. Один такой солидный мужик, в костюме, при галстукe, причеха такая, знаешь – ежиком, как сейчас модно, а другой помоложе, светленький, в рубашке. Оба уже тепленькие. Тот, что в галстукe, увидел меня и зовет: «Эй, беспризорник, под сюда». Я прикинул, терять мне нечего, если соберутся бить

– убегу, а так может чего и поимею. Когда подошел, он полез в карман и достает оттуда полтинник. Поглядел на него и мне протягивает. «На, – говорит, – бери. Может, хоть ты когда-нибудь Васю Брызгуна добрым словом вспомнишь». Ну, я купюру-то взял, поблагодарил, как положено, и хотел было уходить, как светленький нагнулся ко мне и спрашивает:

– Ты здесь Геннадия Яблочкина не встречаешь?

– Нет, – говорю. – А кто это?

– Да так, знакомец один. – А потом повернулся к моему благодетелю и таким заискивающим голоском говорит:

– Василий Александрович, пойдете в зал, там люди ждут.

А тот оттолкнул его и как заорет:

– Пшел вон, лизоблюд! Ты думаешь, я не знаю, чего ты возле меня увиваешься?! Тебе деньги мои нужны, а не дочь моя. Вот, – здесь он сложил пальцы правой руки в кукиш и сунул его прямо парню в лицо. – Выкуси. Шиш ты у меня получишь, – и, пошатываясь, пошел в кафе. Ты бы видел, как бедного парня перекосило. Я думал, он этого мужика разорвет, так у него кулаки сжались, но он только попыхтел-попыхтел, а потом повернулся, да как рявкнет на меня: – А ты чего здесь стоишь?! Пшел вон отсюда, пока милицию не вызвал! Ну, я, конечно, коробку с посудой в руки – и ходу.

– А с утра стал пропивать халявные деньги, пока менты не забрали, – закончил его рассказ Гена.

– Точно! – ударил его по плечу Виктор так, что тот взвыл.

В этот момент снова лязгнула дверь и в проеме показалось прыщавое лицо молоденького сержантика.

– Огрызкин! На выход! – срывающимся на фальцет голосом прокричал он и, смутившись, спрятался за дверью.

– Ну, мне пора, – тяжело поднимаясь с нар, произнес Генна. – Если раньше выйдешь, чем я, можешь на моем участке поработать. Больше никого не пускай, а то потом хрен выгоишь. Все. Бывай здоров.

И Геннадий, заложив руки за спину, вышел в коридор.

– Ну что, вспомнил? – спросил следователь, когда он опустился на уже знакомый табурет.

– Угу. Как же. Вы мой мозг так напугали, что теперь его все мысли стороной обходят.

– Значит, сознаваться не хотим? Так. Раз правильная мысль в твой, как ты говоришь, мозг сама идти не хочет, придется ее туда загнать.

Следователь встал и начал медленно обходить угол стола, а Огрызкин, зажмурив глаза, пытался угадать, куда последует первый удар, когда от двери раздался грозный окрик: – Капитан Фомин! А ну прекратите рукоприкладство! В чем дело?

– Геннадий открыл один глаз и чуть повернул голову. У порога стоял подполковник. Судя по всему – начальник этого отдела.

– Владислав Семенович, – возвратился на свое место следователь. – Этот бомж был нами обнаружен у трупа Брызгу-

нова Василия Александровича.

– Во-первых, не бомж, – перебил его подполковник.

– А... Как, простите, Ваше имя, отчество?

– Геннадий Степанович.

– ... Геннадий Степанович. А во-вторых, Вы читали заключение судмедэксперта?

– Да, – опустив глаза, кивнул головой капитан.

– Значит, знаете, что Брызгунов был мертв уже около двух часов. И что, по Вашему, все это время убийца сидел рядом с ним? Вы, как я посмотрю, не только Дзержинского на столе держите, но и пользуетесь его методами. Из людей признание выбиваете. Головой, капитан, нужно думать, а не руками размахивать. Поняли меня?

– Так точно, товарищ подполковник! – вытянулся в струнку следователь.

– Вот и хорошо. Геннадия, э-э-э, Степановича допросить пока как свидетеля, снять у него отпечатки пальцев и задержать до сравнения с отпечатками на ноже. Они должны быть скоро готовы, а вот тогда-то и будем решать, что делать дальше. Выполнять.

Дверь за подполковником захлопнулась, и следователь медленно опустился в свое кресло.

– Повезло тебе, Геннадий Степанович. Но ничего, я все равно из тебя правду выжму.

Огрызкин глядел на оловянный бюстик и представлял, как Феликс Эдмундович в перерывах между приступами

кашля выбивал из карманника признание в подготовке контрреволюции. Когда Дзержинский в очередной раз закашлялся, он вздрогнул и перевел взгляд на следователя.

– Командир. У вас в камере сидит один экземпляр с амбре из дешевого портвейна. Так вот, он ночью видел наш камень преткновения живым и теплым в компании одного молодого субъекта.

– Чего он видел? – вытаращил глаза на Огрызкина капитан.

– Хорошо. Попробую сказать на вашем языке. В обезьяннике один алконавт бакланил, что ночью срисовал вашего жмурика с каким-то чуваком.

– Так что ж ты молчал, идиот! – вскочил с места следователь. – Эй! Сержант!

Через секунду паренек с испуганными глазами распахнул дверь.

– ... У нас в обезьяннике сидит кто-нибудь пьяный?

– Ну, вроде есть там один. По виду из их братии, – сержант кивнул в сторону Огрызкина.

– Этого отведешь, пусть пальчики снимут, и прикрой пока, а того – сюда. И бегом.

После прохождения этой грязной процедуры, Геннадий вновь оказался на знакомых нарах. В камере Витьки уже не было, но вместо него у окна сидели два паренька лет двадцати и о чем-то живо шептались. Увидев Огрызкина, они замолчали и неприязненно уставились на него.

– Все в порядке, ребята. Я здесь в уголке пристроюсь, и, считайте, что меня нет, – извиняющимся тоном сказал Геннадий и прилег у самой двери, но один из них, в кожаной, поблескивающей множеством заклепок куртке, встал у его изголовья и, презрительно глядя сверху вниз, процедил сквозь зубы:

– Эй! Мешок с дерьмом. Ты че это здесь разлегся? А ну, вскочил, живо!

Огрызкин удивленно взглянул на него, но, поняв, что парень не шутит, немедленно поднялся.

– Тебя за что повязали?

– За сигареты.

– Чего?!

– Я говорю, пачку дорогих сигарет нашел, а менты увидели, и им тоже таких захотелось. Вот, пришлось сделать бартер. Я им пачку, а они мне синяк и ночлег.

От хохота парень в кожанке присел на корточки, да так и остался сидеть, обхватив руками живот, а его приятель беззвучно трясся, опустив голову и закрыв лицо длинными и черными, как смоль, волосами.

– Ну, ты, бомжара, даешь, – утирая слезы поднялся с пола «кожаный». – Ладно, живи пока. Только чтобы в твоём углу было тихо и не воняло, а не то,

– он поднес кулак к Гениному лицу. – Понял?

Огрызкин кивнул головой и снова забился в свой угол, а парни, еще немного посмеявшись над ним, вернулись к пре-

рванному разговору.

– Так вот, я и говорю, – зашептал длинноволосый. – Он штуку баксов за нифига предлагает.

– Что значит – за нифига?

– Просто одного мента нужно найти и ему адресок скинуть.

– И за это – штука?

– Ну да. Я еще переспросил, может, мочкануть его, а он головой вертит, нет, говорит, просто напиши где живет. Улица, дом, квартира, в общем – полный расклад.

– Вот, блин! – ударил себя по коленям «кожаный». – Что ж ты раньше молчал?

– Да я же тебе только начал говорить, а тут этот желтолицый.

– Да. Не вовремя он нам на глаза попался, – вздохнул «кожаный». – А как зовут того, кого найти надо?

– Яблочкин Геннадий Сергеевич. Живет, вроде бы, в этом районе.

– Ясно. Номер телефона этого мужика где записал?

– Нигде. Так запомнил. 219-...-...

– Добро. Думаю, нас здесь долго не продержат, как выйдем – сразу за дело. А пока я бы вздремнул.

«Кожаный» с хрустом потянулся и прилег на нары, длинноволосый еще немного посидел и последовал его примеру.

«Яблочкин, Яблочкин, где-то я уже слышал эту фамилию», – подумал Геннадий и тоже провалился в сон.

На следующий день Огрызкина снова вызвал прыщавый сержант.

– Наверное, менты еще одну пачку хотят попросить, – заржал «кожаный».

– Боюсь, что им и та прищлась не по вкусу, – усмехнулся Гена и вышел в коридор. В кабинете следователь долго и молча копался в бумагах, затем достал из папки листок и протянул его Огрызкину.

– Повезло тебе. Твои отпечатки не совпали с опечатками на ноже. Так что гуляй пока, но в пределах видимости. Вот, распишись.

– Тогда я у вас здесь, под окнами обоснуюсь.

– Пшел вон отсюда! – рявкнул вдруг капитан, пряча подписку о невыезде обратно в папку.

На крыльце отделения Огрызкин сладко потянулся, щурясь на яркое летнее солнце.

«В КПЗ хорошо, а на воле лучше», – подумал он и побрел в сторону своего парка.

Проходя мимо злосчастливого кафе, Гена приостановился, пристально поглядел на темные окна-витрины и присел на стоящую недалеко от входа скамейку. «Интересно получается, – подумал он, разглядывая муравья, бегущего по дорожке, – за час до того, как улечься под куст, за этим, как его, Брызгуном, увивается какой-то рыжий блондин, который, в свою очередь, очень мечтает познакомиться с неким Яблочкиным. Да так хочет, что даже готов отстегнуть от сво-

его или чужого, точно не известно, довольно большую кучку бабок. И к тому же этот, местами молодой человек, хочет стать зятем этого Василия Батьковича, и настолько сильно хочет, что готов терпеть все издевки с его стороны. Или не готов? Не известно, но вопрос в другом. Причем здесь я?». Геннадий почесал давно немытую голову и поднялся. «Правильно, Огрызкин, не шастай по кустам, а то в следующий раз так легко не отделаешься».

«В следующий раз? – забила под грязными волосами чужая для него мысль. – А кто тебе сказал, что ты в этот раз отделался? Ведь на подозрении ты так и остался первый кандидат. Если никого не найдут, пойдете вы, Геннадий Степанович, на казенные хлеба в сырую квартиру. Вот так-то, дорогой!». И, навязав таким образом морских узлов в его и без того запутанных мозгах, мысль удалилась.

– Да. Без бутылки здесь не разберешься, – послал ей вслед свой вывод Геннадий и пошел к выходу из парка в направлении видневшихся за деревьями пятиэтажек.

Поднявшись на второй этаж, Огрызкин толкнул обитую старым, кое-где порванным дерматином дверь и вошел внутрь.

Однокомнатная квартира, порог которой переступил Геннадий, представляла собой довольно жалкое зрелище. Со стен тесной прихожей свисали лоскуты старых, пожелтевших от времени и дыма обоев, а с такого же грязного потолка свисала давно перегоревшая голая лампочка. Комната была точ-

ной копией прихожей, но несколько больших размеров, а из мебели в ней была только старая железная кровать с растянувшимися пружинами. Огрызкин оглядел свое жалкое жилище и, тяжело вздохнув, присел на грязный, прожженный в двух местах матрас. Пружины под ним жалобно скрипнули.

– И тебе привет, – провел он рукой по ржавой спинке. – Соскучилась?

Кровать снова старчески скрипнула.

– Я тоже, – проговорил Гена и откинулся на сложенную у изголовья вместо подушки рваную телогрейку.

«Все-таки хорошо, когда у тебя есть свой угол, Даже такой, как этот. Кстати! А давно ли я так живу, в этой «берлоге»? Мне казалось, что всю жизнь, но почему тогда не помню ни отца, ни мать, ни детство, ни... вообще ничего! Словно я уже родился таким в этом «клоповнике». Как-то даже странно». И с этой мыслью Огрызкин уснул.

Проспав весь день, Гена проснулся лишь поздно вечером. Поднявшись, он почувствовал, как желудок спорит с прямой кишкой, что вкуснее – кусочек черствого хлеба или мясо поде голевски. Нашарив в полутьме свою торбу, Огрызкин, потягиваясь, двинулся к выходу. «Пора произвести смотр своих владений, а то не ровен час желудок печень переваривать начнет».

Выйдя из подъезда, он лицом к лицу столкнулся с незнакомым молодым человеком, который внимательно вглядывался в окна его дома. Посторонившись, парень пропустил

Огрызкина, но когда тот уже прошел мимо, окликнул:

– Эй! Дядька, постой! Ты здесь живешь?

Геннадий оглянулся. Прилично одетый блондин смотрел в его сторону, но как бы сквозь него, и взгляд был какой-то холодный, рыбий.

– Да, – немного подумав, кивнул Огрызкин.

– А не знаешь такого Гену Яблочкина? Он где-то здесь должен жить.

– Кому он должен? – не удержавшись, сострил Геннадий.

– Что должен? – во взгляде молодого человека мелькнуло удивление. – А-а-а. Понял, шутка. Смешно. Так знаешь?

Огрызкин почему-то неопределенно пожал плечами.

– Хорошо. Опять понял. Не дурак, – и он, достав из кармана бумажник, вынул оттуда двадчатку.

– Ну, так как?

При виде купюры, у Гены перехватило дыхание. Он с трудом проглотил ком в горле и отрицательно замотал головой. Огрызкин прекрасно знал, что обманывать таких субъектов даже ради двадчатки – очень рискованно.

– Нет? Хм. А ты честный. Ну, хорошо, а узнать можешь?

Гена не отрываясь смотрел на бумажку, которая то исчезала, то вновь появлялась в бледной холеной руке. Затем с трудом отвел взгляд и кивнул.

– Можешь? – в рыбьих глазах зажегся огонек. – Отлично. Тогда держи задаток, – парень протянул Гене заветную бумажку. – Завтра в это же время я буду здесь. Узнаешь –

получишь еще столько же, не узнаешь, – он плюнул на асфальт и растер плевков каблуком, – сделаю с тобой то же самое. Добро?

Гена секунду помедлил и протянул руку.

– Вот и ладушки, – удовлетворенно сказал молодой человек и бросил деньги себе под ноги.

Огрызкин подождал, пока парень отойдет, поднял купюру и, сунув ее в карман, пошел в противоположную сторону.

Нет. Ему не было обидно или гадостно, он не чувствовал себя униженным. К такому отношению Гена уже привык, но этот человек источал такую брезгливость, что Генино давно уснувшее самолюбие подняло голову и дало о себе знать.

– Шиш ты у меня получишь, а не Яблочкина, – сжимая кулаки шептал он, двигаясь в сторону магазина. – Тоже мне – пуп на заднице. Ишь ты, харкаться он вздумал – верблюд безгорбый. Лягушка в смокинге. Еще посмотрим, кто кого раздавит.

Постепенно Огрызкин успокоился, и мысли его плавно перетекли в несколько другое русло.

«Что-то уж слишком часто мне в последнее время стала попадаться эта фамилия. У кафе Левого о нем спрашивали, в КПЗ длинноволосый о нем говорил, теперь этот воробей, возомнивший себя индюком – тоже. Как будто других фруктов на свете нет. Даже меня любопытство разобрало. Но это потом, а сейчас надо купить чего пожрать, выпить. Нет, деньги потратить всегда успею. Сперва загляну в контейне-

ры, может там, чего нарою».

Свернув за угол магазина, Огрызкин увидел Витю Левого, по-хозяйски шарившего в его контейнерах. От такой наглости Гена даже присвистнул.

– Ну, ни фига себе! Витек! Ты че? Совсем нюх потерял? Или решил, что я иммигрировал в Израиль? Так я тебя разочарую. Мне отказали в визе.

Левый вздрогнул, втянул голову в плечи и повернулся к Огрызкину всем туловищем. Увидев, что Гена улыбается, облегченно вздохнул и расслабился.

– Так ведь ты сам сказал, что могу здесь, у тебя на участке работать, пока тебя на нарах держат, – оправдываясь, затараторил он. – Поздравляю с выходом на свободу. Как твой глаз? Открылся? Не болит? Я всегда знал, что на тебе заживает как на собаке.

– Ты мне уши не заговаривай, – согнал с лица улыбку Гена. – Специалист по собакам. Покажи улов.

– Сегодня что-то совсем слабенько, – развел руками Витя, пытаясь заслонить собой довольно внушительный мешок.

– Да я еще не все осмотрел. Вот тот дальний контейнер не трогал. Думал на сладкое оставить. Туда недавно уборщица из магазина что-то выбрасывала. Тоже глянem.

Огрызкин слегка наклонил голову на бок, и прищурился.

– Слышь, Левый. Съезди завтра в деревню.

– Зачем? – удивленно вытаращил глаза бродяга.

– Там пасутся гуси. Сопри одного, оторви ему голову, и...

– Гена чуть повысил голос. – Компосируй ему мозги, а не мне. А ну, кузнечиком отпрыгнул от мешка. – Мама дорогая! – воскликнул он, разглядывая Витину добычу. – И это ты называешь «слабенько»? Да я здесь столько только на 1 мая, да после Нового года собираю.

– А я все это не здесь собирал, а у себя! – рванулся к мешку Левый.

– Это ты бабе Дуни расскажешь. Она всеравно глупая – жестом остановил его Гена. – Ладно, я сегодня добрый, поэтому все отбирать не буду. Поделим поровну.

После того как добыча была разделена, Огрызкин предложил, пока работают пункты стеклотары и вторсырья, кое-что сдать, и провести вечер за приятной беседой. Левому это предложение было не очень по душе, но Гена был сильнее, потому пришлось согласиться.

Через два часа, прикупив водки и нехитрой закуски, они были уже в Гениной квартире. Ступив в прихожую, Виктор Левый с любопытством оглянулся. Хотя Огрызкина он знал уже несколько лет, но здесь он был впервые. Гена вообще ни с кем не был в тесной дружбе. Он как-то всегда сторонился своих «соратников по цеху». Правда одно время был более или менее близок с Шустриком, но вскоре они из-за чего-то поссорились и их дорожки разошлись.

– Ну что? Как тебе мои персидские ковры и картины? – прервал его размышления хозяин квартиры. – Заметь все исключительно в подлинниках. Проходи в гостиную, обувь мо-

жешь не снимать. Прислуга потом все уберет. Присаживайся вон в то кресло.— Гена указал рукой прямо на пол. — Я пойду отдам распоряжение кухарке, а ты если захочешь курить, можешь взять сигару из шкатулки, что стоит на журнальном столике.

И Огрызкин ненадолго вышел, оставив совершенно сбитого с толку Виктора, одного, в убогой комнате.

— Ты еще не распаковался? — вернувшись через минуту, удивленно спросил Гена, неся в руках пластмассовый стаканчик и довольно тупой кухонный нож.

— А...? — растерянно завертел головой Левый.

— А что, на полу тебе места мало? Или брезгуешь?

— Да нет, стушевался он и стал торопливо доставать покупки.

Первые сто грамм они выпили молча, думая каждый о своем. Осушив второй стакан, Гена занюхал его рукавом и потянулся к закуске. — Слышь, Левый, — обратился он к собутыльнику, вкусно хрустя свежи огурцом. — Я вот чего хочу у тебя спросить. Мне сегодня целый день в уши лезет одна фамилия. Яблочкин. Ты действительно не знаешь, кто это?

Виктор, не переставая жевать, удивленно взглянул на Огрызкина, секунду подумал и отрицательно закивал головой.

— Хорош. Поговорим о других сухофруктах. Ты давно обитаешь в этом районе?

— Всю жизнь.— проглотив хлеб, ответил Левый.

– Это не много. А этот дом хорошо знаешь?

– Ну, так себе. Знаю чуть-чуть.

– Давай свое чуть-чуть. Только покороче.

– А зачем тебе?

– Хочу на соседей жалобу подать, а как их зовут, спросить стесняюсь. Выкладывай что знаешь.

– Да я то по фамилии никого почти не знаю. Знаю только, что в этом доме Зоя Синька жила. Потом ее квартиру купил... Виктор вдруг, заикнулся, изумленно взглянул на Огрызкина и молча потянулся к бутылке.

– Но-но, приз зрительных симпатий потом будешь получать. Продолжай – отодвинул от него водку Гена.

Левый сглотнул застрявший в горле ком, и произнес охрипшим голосом – Плесни горло промочить, дерет.

– Ладно. На, промочи. – сжалился нал ним Огрызкин и протянул стакан.

После выпитого глаза у Виктора заблестели, лицо размянилось и он, не усидев на месте, стал расхаживать по комнате, молча, жуя колбасу с хлебом. Изредка бросая косые взгляды на Огрызкина.

Гена наблюдал за мечущимся из угла в угол собутыльником и большим усилием воли сдерживал готовую вырваться ярость. Наконец Левый прожевал бутерброд и подошел к импровизированному столу.

– Ее купил Брызгунов!

Огрызкин, молча налил почти целый стакан водки и вы-

пил его одним махом, даже не поморщившись.

– Та-а-к – растягивая слова, произнес он. – А еще кого вспомнишь?

Левый снова присел к столу, достал из кармана пачку «Примы» и с блаженством, затянулся вонючим дымом.

– Из наших, здесь, больше никого нет.

– А из нормальных людей кого-нибудь знаешь?

Виктор задумчиво посмотрел на облупившийся потолок.

– Марина, продавец из «Восточного» гастронома, кажется, здесь живет, потом Серега Дрогин в 15 квартире. У него точка. Самогоном, гад, торгует, но брать не советую, он туда всякую дрянь, типа димидрола, подмешивает. На утро от него...

– Не отвлекайся, – перебил его Гена. – О вреде самагоноварения ты в наркодиспансере будешь лекции читать, а не здесь. Дальше давай.

– А че, ты у меня спрашиваешь?! – снова вскочил Левый.

– Ты же здесь живешь, а не я.

– Логично – затягиваясь сигаретным дымом, согласился Огрызкин. – Но, видишь ли, я по натуре своей человек не общительный, и за все эти годы так ни с кем из своего дома и не познакомился, а теперь вот хочу устранить этот пробел.

– Тогда обратись в суд. У них есть полный список жильцов. А я больше никого не знаю. – огрызнулся левый и потянулся к бутылке.

– Все ресторан закрыт. Посетителей прошу удалиться,

иначе позову вышибалу. – сказал Гена, и спрятал в карман остатки водки.

– Но?

– Где сейчас обитает твоя Синька?

– На пустыре, кажется. Она с Колей Рыжим живет. Там у них целый табор. – Левый, не отрываясь глядел на Генин карман.

– Ладно. Тебе, как сотому посетителю, за счет заведения маленький презент. – улыбнувшись сказал Гена и плеснул из бутылки на дно стакана. – Выпил? А теперь вон отсюда. Я устал и хочу спать.

Виктор тяжело вздохнул и еще раз оглядел убогое жилище, и ,пошатываясь, побрел к выходу. Когда дверь за ним закрылась, Гена допил водку прямо из бутылки, закусил, и полез в свой мешок. Вынув оттуда еще одну поллитровую беленькой, он спрятал ее за пазухой, и тоже вышел из квартиры.

Пустырь был местом жилища почти всех бомжей города. Здесь они, вырыв землянки, создали как бы поселения. Со своим уставом, президентом, службой безопасности и т.д. Все, что добывалось за день, сносилось сюда, и делилось, как при социализме: от каждого по способностям, каждому сколько дадут. Бомжи роптали, но уходить отсюда на свои «хлеба» не собирались. Во-первых, выжить вместе было гораздо легче, во-вторых, милиция хоть и знала о существовании этого «поселка», но предпочитала сюда не соваться, а в

третьих – им и идти-то было больше некуда. Зато здесь всегда было, что поесть, частенько, что выпить и все обо всем знали. Именно в эту «справочную службу» и шел Огрызкин.

Когда последние пятиэтажки остались у него за спиной, Гена остановился и поежился от прохладного ночного ветра. «Ну и чего ты сюда притянулся? – задал он сам себе вопрос. – Сидел бы у себя в квартире, пил водку и плевал в потолок. Так нет же, потянуло тебя в эти «хреньковичи». А не боишься, что тебя здесь встретят с распростертыми кулаками? Ведь ты же когда-то отказался продать свою квартиру, и перебраться к ним. За это они, пожалуй, массового гуляния в твою честь устраивать не будут. Эх, погубит тебя, Огрызкин, когда-нибудь твое любопытство».

Он еще немного потоптался на месте, закурил и направился к видневшемуся в дымке огоньку костра.

У весело потрескивающего пламени сидело пятеро довольно потрепанных мужчин и две, почти потерявших различие между полами женщины. Они молча смотрели на разлетающиеся в разные стороны искры, и блаженно жмурились от обволакивающего их тепла. Но когда в свете костра показалась худошавая фигура Огрызкина, все встрепенулись и уставились на него напряженным взглядом.

– Сидите, сидите, – тихо сказал Гена, стараясь, как перед сворой собак, не делать разных движений. – Доброй Вам ночи, господа хорошие. Не пустите ли к Вашему огоньку погреться?

Шесть пар глаз вопросительно взглянули на неопределенного возраста рыжего мужчину, сидящего в прожженном в нескольких местах, стареньком кресле.

– Тебя, кажется, Огрызком звали? – не приглашая к костру, спросил рыжий.

– Ну почему так обреченно? Врач сказал, что я еще живу.

– Так то врач. – Он еще раз внимательно оглядел гостя. – Что надо?

– Да вот. – Гена вынул из-за пазухи бутылку. – День рождения у меня, а отметить не с кем.

– Брешет! – вклинилась в разговор одна из женщин. – В апреле у него День рождения.

– Цыц! – цыкнул на нее рыжий, и снова уставился на Огрызкина. – Ну так что, и дальше будем в «Что? Где? Когда?» или все-таки скажешь, зачем к нам пришел?

– Могу я присесть? – спросил Гена и, не дожидаясь ответа, присел на корточки. – Вы, наверное, слышали, что сегодня утром на моем участке нашли труп Брызгунова? Из-за него у меня целый день неприятности.

– Да, встретить покойника – это к несчастью. – Снова вставила свое слово женщина.

Огрызкин покосился на нее, не смолчал, и повертев в руках бутылку, продолжил. – В камере я узнал, что он занимался не легальной скупкой квартир. В нашем доме, например, он купил квартиру у Зои.

– Купил?! – вскочила со своего места та женщина, что вмешивалась в разговор. – Это он называет, купил? Налил мне стакан, уговорил подписать какие-то бумаги, потом опять налил, и все, я с копыт. На утро просыпаюсь, а на столе какая-то рваная сотня и записка, чтобы я убиралась из дома в течении суток. А ты говоришь купил. Он так и Шустрика из квартиры вышвырнул. Кстати, из той, где ты сейчас обитаешь.

Гена, удивленно взглянул на нее, затем, молча, отвинтил пробку в бутылке, и поискал взглядом стакан.

– Историк. Метнись за посудой – отдал распоряжение рыжий и когда, один из сидевших поднялся, добавил. И прихвати чем заткнуть.

Когда все было принесено, Огрызкин налил в пластиковый стакан водки и протянул его старшему, но тот невозмутимо продолжал сидеть на своем месте.

– Понял. Его величество опасается заговора – с усмешкой сказал гена и поднял стакан над головой.

– За Ваше здоровье, господа!

От второго предложения рыжий уже не отказался. Вскоре бутылка опустела. Огрызкин достал сигареты, угостил всех и закурил сам.

–Эх. Хорошо, но мало – вздохнула Зоя.

–Так ты хочешь сказать, что я живу в Шустриковой квартире? – вернулся к прерванному разговору Геннадий.

–А то ты не знаешь? Когда Бризгун выбросил Саню на

улицу, через два месяца привез тебя. Это лет пять назад было. Я еще тогда в своей хате жила.

– Не помню – покачал головой Огрызкин.

– Бедненький – в голосе женщины проскользнули сочувственные нотки. – Ты тогда с полгода ходил по улице как обдолбанный. Бледный, худой. Глядел на всех такими пустыми, бессмысленными глазами, что я по началу думала у тебя с башней не все в порядке. Но потом ничего, оклинулся. Только вот чего с Шустриком вы разбрехались? Он ведь за тобой, все это время, как за дитем малым ухаживал. А ты его раз – и на свалку.

Зоя замолчала, и в наступившей, звенящей тишине было лишь слышно, как потрескивают в огне дрова. Гена вздохнул и полез во внутренний карман пиджака. Немного повозившись, он вынул оттуда заветную двадчатку и протянул ее рыжему.

– Коля, пошли кого-нибудь за добавкой, а то что-то зябко стало – тихо попросил он.

Рыжий взял деньги, повертел их в руке и поднял глаза.

– Историк. Возьми Пухлого, и рысью на точку. Будут выживаться, скажи, что я послал. Давайте только быстро.

– Сколько брать? – спросил он, пряча купюру в карман.

Старший вопросительно взглянул на Гену.

– На все.

– Слыхал? Вперед.

Когда гонцы удалились, Огрызкин с трудом встал, и при-

нялся разминать затекшие ноги.

– Где у вас клозет? Мне по маленькому отлучиться надо.

– Десять шагов в любую сторону – усмехнулся Костя.

Отойдя немного от костра, Геннадий снова закурил, постоял, подумал, и махнув рукой зашагал в город.

Лежа на своей продавленной кровати, Огрызкин пытался вспомнить всю свою прошлую жизнь, но кроме помоек, мусорных баков и обшарпанных стен этой квартиры, ничего в памяти не всплывало. «Но ведь не родился же я сразу тридцатилетним бомжом. – вслух сказал он. – Когда-то у меня наверное была мать, ходил в школу, наверное служил в армии. Где это все? Что со мной случилось пять лет назад?»

С этим вопросом Геннадий и задремал.

По годами отработанной привычке, Огрызкин проснулся, когда за окном только, только занималась заря. Сев на краешек кровати, Гена сладко потянулся, затем, порывшись в своем бездонном мешке извлек оттуда бутылку минералки. С жадностью выпив половину, он утерся, немного посидел и тяжело вздохнув, поднялся. «Да. Водка лучше, чем вода. Я воду пил однажды. Она не утоляет жажды.» – Прочитировал вслух чье-то четверостишие, и прихватив котомку, вышел из квартиры.

«Ну и где мне прикажите его искать? – спросил сам себя Гена, стоя у входа в подъезд. – Где он сейчас обитает. Я и представления не имею, а промышляет по моему по всему городу. Кого не послушаешь, все только и жалуется: «Здесь

был Шустрик, здесь был Шустрик». – тьфу. Действительно Шустрик. «А тот его раз – и на свалку» – всплыли вдруг в памяти слова Зойки. «А ведь тоже – приободрился он. – На свалку нужно заглянуть, место там теплое, а он всегда там, где есть, чем поживиться».

Огрызкин уже собирался было двинуться в путь, как слева послышался цокот женских каблучков. Он обернулся и на секунду застыл. Изящной походкой к нему приближалась молоденькая, чуть больше двадцати лет девушка с красивыми темно-каштановыми, чуть выющимися волосами, милым, приятным личиком и карими бездонными глазами.

– Вы не подскажите, как мне найти Геннадия Яблочкина? – спросила она красивым, звонким голосом.

Огрызкин, словно замороженный, смотрел на нее, не отрываясь.

– Что ж Вы молчите? Не знаете?

Он отрицательно замотал головой, не в силах произнести ни слова.

– Хм. – хмыкнула девушка, оглядела его с ног до головы, чуть задержала взгляд на лице и неторопливо пошла дальше.

Гена встряхнул головой, словно отгоняя наваждение, повернулся и зашагал в другую сторону. «Или я схожу с ума, или одно из двух» – пробормотал он, заворачивая за угол, но в последний момент не выдержал и оглянулся. Девушка стояла посреди тротуара и смотрела ему вслед. «Что-то слишком много родственников у этого Яблочкина – подумал Гена,

шагая в направлении свалки. – Может он какой-нибудь подпольный миллионер? Типа Корейки. Или иностранный шпион. Продал жителям Аляски секрет изготовления унитазов, а теперь их послы за ним охотятся, чтобы гонорар вручить. Но почему лицо этой шпионки мне кажется знакомым? Где мы могли встречаться?»

За этими размышлениями он даже не заметил, как вышел на дорогу, ведущую к свалке.

«Вот блин это мне еще пять километров топать?» – прочел Огрызкин надпись на указателе. – Знал бы раньше, пузрь бы раздобыл. Все бы веселей шагалось.»

Когда он отошел с километр от перекрестка, впереди показался человек, тянувший на встречу тележку. Подойдя поближе, Огрызкин узнал в нем Сашу Шустрика.

– Здорова, Шурик. – поздоровался Гена, когда они поравнялись.

– И ты не болей. К нам лыжи наострил? – приостановился Шустрик и вытер вспотевший лоб.

– Вообще-то тебя ищу.

– А че меня искать? Вот он я. Ни от кого не прячусь.

– Поговорить с тобой хочу. Давай помогу.

Шустрик дернулся как от удара, еще крепче вцепился в тележку и прибавил шаг. Но тогда я сам. Сам нашел, сам сдаю, и нечего на хвоста садиться. Сегодня рабочий день, хвосты обрубаются.

– Да, я так, по дружески.

– По дружески?! – Саша приостановился и гневно посмотрел на Огрызкина. – С каких-то пор мы с тобой друзья?

– Так ведь жили когда-то вместе. Ты от голодной смерти меня когда-то спас.

– Да? А как расстались не помнишь? Я пришел голодный, усталый. Только прилег, а ты как с цепи сорвался. Убирайся, орешь, с моей хаты, чего разлегся. Что ты вообще здесь делаешь? Не помнишь? А я все помню.

– Прости. Я же не знал, что раньше это была твоя квартира. Я тогда ничего не помнил. Прости. Хочешь закурить. – И Огрызкин протянул ему измятую пачку «Примы».

Шустрик немного подумал, взял сигарету, и устало присел на краешек тележки. Гена примостился рядом. Оба закурили.

– Что ж ты молчал все эти годы? – после недолгого молчания спросил Геннадий Сашу.

– Ждал, когда ты извинишься. Знаешь, я всегда знал, что все это так и произойдет. Потому, наверное, и не удивился, когда увидел тебя на дороге.

– Да, после того, как я тебя выгнал. Прости, как ты ушел, прошло года четыре. Мы сталкивались с тобой тысячи раз, но ты никогда даже словом не обмолвился. Посему?

– А о чем было говорить, если ты не о чем не помнил?

– Я и сейчас не помню. – Огрызкин тяжело вздохнул и отбросил окурочок. – Сань, возвращайся домой, нам о многом нужно поговорить.

Шустрик молча смотрел куда-то вдаль, пока огонек сигареты не обжег кончики его пальцев. – Хорошо. – наконец сказал он. – Помоги дотянуть тележку до приемного пункта.

Через три часа загруженные под завязку едой и выпивкой Огрызкин с Шустриком сидели в их квартире и вели неторопливый разговор. Точнее, говорил в основном Шустрик, а Гена лишь изредка вставлял два-три слова, в остальное время сидел понуро опустив голову.

– Скорее всего он меня у вино-водочного отдела вычислил. Я там частенько тогда пасся. – продолжал свой рассказ Александр, выпив очередную рюмку. – Подкатил ко мне, слово за слово, познакомились. Предложил выпить, ну, а кто ж это на халяву откажется. Ну, я его домой и пригласил. Налили по сотке, он правда, не пил. Так пригубил чуть-чуть. Потом какие-то бумаги стал подсовывать, мол, это чистая формальность. Чиркни вот здесь и все. Мол, ему подзарез, чья-нибудь подпись нужна. Ну я с дуру и подмахнул себе приговор.

– А после второй стопки ты отключился. – вставил Геннадий

– А ты откуда знаешь? – удивленно вскинул на него глаза Шустрик.

– Да он так ни одного тебя поимел.

– Ну да. Через два дня я оказался на улице. Прижился рядом здесь, на теплотрассе и стал наблюдать, кто в мою берлогу въедет. День пусто, второй, неделю, месяц, а на следу-

ющий подруливает к подъезду такая крутая иномарка, а из нее тебя вытаскивают. Чуть тепленького.

Огрызкин удивленно взглянул на Шустрика.

– Да, да. Короче взяли они тебя с шофером под белы ручки и потянули в подъезд. Вскоре они вышли, сели в машину и уехали, а я рысью в квартиру. Вхожу, а ты лежишь на этой самой кровати, как сломанная кукла. На все мои вопросы только глазами моргаешь. Жалко мне тебя тогда стало, молодой еще был, беспомощный. Вот и пришлось мне тебя, как дитя малое из ложечки выкармливать. Через неделю ты ходить стал, через другую – разговаривать. Все про какую-то Таню выспрашивал.

– Какую Таню? – удивленно спросил Огрызкин.

– А я почему знаю. Как только я с обхода возвращался, ты сразу ко мне с одним и тем же вопросом летишь: «Ты Таню не встретил?» – Я спрашиваю: «Какую Таню? Как выглядит? Где живет?» – А ты только плечами пожимаешь и опять полдня молчишь. Но постепенно, об этой девахе ты забывать стал, все реже и реже ее вспоминал, жизнью начал интересоваться, курить научился, на промысел стал со мной выходить. А в один прекрасный день вдруг и заявляешь: «Что это ты ко мне в квартиру таскаешься? У тебя, что своего жилья нет? Командуешь тут, как у себя дома». – Ох и обидно мне стало.

– Прости не со зла я, по дурости. – опустил голову Гена

– Да, ладно. Короче, вот такая сказка у нас с тобой полу-

чилась.

– Да-а-а. Глупо все как-то у нас вышло. А слышь, Сань, откуда ты знаешь, что меня Огрызкинским зовут? Ведь до этого ты же меня не знал?

– А я когда вошел, на полу, возле кровати бумажка лежала. Типа свидетельства о рождении. Там и было написано, что ты Огрызкин Геннадий Степанович.

Тут, из разговор прервал осторожный стук в дверь.

– Кого это несет? – насторожился Шустрик.

– Пойду, посмотрю. – поднялся с кровати Гена.– Может это менты по моему вчерашнему делу. Хотя они так не стучат.

Огрызкин распахнул дверь, на пороге стояла та самая девушка, которую утром он встретил у подъезда.

– Вам кого? – чуть охрипшим голосом спросил он.

– Мне сказали, что здесь должен проживать... Что вы на меня так смотрите?– засмущавшись спросила девушка.

Гена, не отрываясь глядел на ее лицо и ему показалось, что время вдруг с бешеной скоростью побежало в обратную сторону. И вот, он уже стоит не в обшарпанной тесной квартире, а в уютной, хорошо обставленной двухкомнатной квартире, прилично одетый с букетом цветов.

– С Днем рождения, Танюша!

– Ой, спасибо, Геночка. Походи. Гости все уже собрались. Только тебя ждем.

В прихожую вышел отец девушки.

– А! Гена! Проходи, проходи. Давно ждем.

– Здравствуйте, Василий Александрович. Поздравляю Вас с Днем рождения дочери.

– Спасибо. Сегодня, так сказать, юбилей у нее. Целых 20 лет стукнуло. Страшно подумать, какая она уже старая

– А вы не бойтесь, Василий Александрович. В девках мы ей засидеться не дадим.

Танин отец как-то не хорошо взглянул на Гену, но растянул губы в улыбке и похлопал его по спине.

– Я знаю. Пошли к гостям.

– Дорогие гости! – повысил он голос, когда с парнем вошли в зал. – Хочу представить вам друга моей дочери Яблочкина Геннадия Сергеевича. С самых, так сказать, пеленок они вместе. – Все приветливо улыбнулись кроме белобрысого паренька. Чье место находилось рядом с Таниным. Праздник проходил шумно и весело. Гена весь вечер танцевал с именинницей, поднимая тосты за ее здоровье, а под самый конец праздника его отозвал в сторону Василий Александрович.

– Слушай, Ген. Ты человек серьезный, давай на чистоту. Ты любишь мою дочь?

– Да. Очень.

– Тогда ради любви к ней. Оставь ее в покое. Ну не пара ты ей, пойми. Кто ты? Слесарь на заводишке, а она в институте учиться, переводчиком будет. За границу на стажировку поедет. Не она тебе нужна, ни ты ей.

– А кто это решает? Кому кто подходит. И слесарь может любить и заботиться о любимой девушке так, как любой дипломат не сможет.

Отец Тани внимательно на него посмотрел, протянул ему рюмочку коньяка и улыбнулся.

– А ты, я вижу, не отступишься. За настоящую любовь.

Гена выпил ароматную жидкость и вновь оказался на пороге убогой квартиры.

– Таня?

– Да. А вы кто? – изумленно спросила девушка.

– Я Гена, Гена Яблочкин.

– Гена?! – она в ужасе прикрыла лицо руками. – Что же они с тобой сделали?

– Все в порядке, Танюшка. Уже все в порядке. Ты проходи. Я тебе сейчас все объясню.

Шустрик удивленно глядел на вошедшую в комнату красивую девушку.

– Вот, Саша, знакомься – вынырнул у нее из-за спины Гена. – Это Брызгунова Татьяна Васильевна. Та самая Танечка, о которой я тебя спрашивал.

Шустрик подавился куском непрожеванной колбасы, закашлялся и замахал руками.

– Ну, ну, не удивляйся. Я тебе сейчас все объясню.

Таня безглаголиво присела на краешек кровати, а Гена в волнении стал расхаживать по комнате.

– И так, несколько лет назад из-за присутствующей здесь

дамы, не будем уточнять, сколько в одном доме по соседству жили две семьи. Принадлежали они, как модно теперь выражаться, к разным слоям населения, но их дети очень дружили между собой. Дружба эта еще началась с детского сада, потом плавно перетекла в школу, ну и так все 18 лет. Родители мальчика были обычными работягами, а родители девочки, точнее родитель, так как ее мать умерла при рождении малышки, был обеспеченный человек. Поэтому к их дружбе они относились по-разному. Мальчишкины – не вмешивались в их отношения, а отец девочки к ее увлечению относился более, чем прохладно. Он все ждал, что ей надоест этот безродный юноша и она, в конце концов, обратит свой взор на ту партию, которую подготовил для нее отец. Но время шло, а чувства молодых людей не то что не угасали, а наоборот разгорались все больше и больше. Парень ушел в армию, но легче отцу девочки не стало. Она писала письма, ждала и даже не смотрела на того молодого человека, что зачастил в их дом. Юноша, исполнив свой долг перед Родиной, вернулся и устроился на завод слесарем, и они уже стали поговаривать о свадьбе. Этого отец девочки допустить не мог. За два месяца до дня рождения дочери он поехал на другой конец города и с помощью водки и клафелина практически отобрал квартиру у одного одинокого человека. Затем на празднике он подсыпал все тот же клафелин в рюмку парню и вместе со своим другом отвез туда бесчувственное тело. Дочери, наверное, он соврал, что парень уехал на Се-

вер на заработки.

– Нет. – поправила его Таня. – Она сказал, что ты женился на какой-то иностранке и уехал в Америку.

– О, как далеко твой папа меня заслал. Но не суть в этом. По прошествии пяти лет он ждал пока ты окончишь институт, Василий Александрович снова попытался выдать тебя замуж за своего белобрысого субъекта.

– Опять немного не верно. Он застучал его в постели с другой девушкой. Хотя тот клялся, что кроме меня ему никто не нужен. – снова поправила его Таня.

– Тогда он вспомнил обо мне и стал меня искать. Кстати, Зинкину квартиру он купил также как и твою Саня, но уже для своего напарника, как бы в награду. Но я отвлекся. Василий Александрович хотел вернуть меня обратно и сделать из меня человека достойного, на его взгляд, руки своей дочери. Ради этого он приезжал позапрошлой ночью сюда, но рядом с ним был все тот же белобрысый тип, который пытался отговорить его от этого безумного шага. И может быть, отговорил бы, если бы Василий Александрович не вышел на задний двор по малой нужде. Там он столкнулся. – Гена вдруг замолчал и внимательно посмотрел на Шустрика.

– Кхм. Там он столкнулся со своей смертью. Ну вот, вкратце и все.

– Да-а, прямо детектив какой-то.– растягивая слова, произнес Саня.

– И что же нам теперь делать? – взглянула на Гену Таня.

– Уступить жилье законному владельцу, а самим ехать домой. Я пять лет не видел родителей. Как они там?

– Живы, здоровы. Все ждут, когда ты им напишешь или позвонишь из Америки.

– Вот им сюрприз будет. Ты готова? Тогда пошли на остановку.

– Зачем? Я сейчас такси вызову- девушка достала из сумочки мобильный телефон и набрала номер. – Через пять минут будет.

– Скажи, тебе отца не жалко? – спросил ее Гена, подойдя почти вплотную.

– Как тебе сказать. Конечно, я его любила, ведь он мой отец, но сделал очень много зла. За что и поплатился. Но давай не будем беречь еще не зажившую рану. Сейчас машина подъедет.

Когда они выходили из квартиры, Шустрик потянул его за рукав.

– А как ты догадался, кто его уколошил?

– А я и сейчас не знаю – пожал плечами Огрызкин-Яблочкин.

Из подъезда Гена вышел первый, и нос к носу столкнулся с блондином.

– А на ловца и зверь бежит первым. Ну, как, узнал, где живет Яблочкин?

Гена повернулся к идущей сзади Тане и тихо попросил. – Извини, дорогая, но у тебя не будет двадчатки. Одному че-

ловеку нужно долг вернуть.

Она молча вынула деньги и протянула ему. Гена плюнул в середину купюры и с размаху припечатал ее на лоб блондина.

– Узнал. Он с сегодняшнего дня живет по старому адресу. – И взяв под руку Таню, прошел мимо опешившего парня, к подъехавшему такси.

Ровно в 17.00 двери заводской проходной распахнулись, и оттуда бурлящим потоком выплеснулась шумная толпа рабочего люда, бегущая скорее занять свое место у домашнего очага. И только Яблочкин, дождавшись, когда все спешащие к своим собратям по разуму – диванам скроются, не спеша, вышел за территорию предприятия. Он, прищурившись, посмотрел на яркое летнее солнце и сладко потянулся.

Прошло всего два месяца со дня возвращения его в прежнюю жизнь, и вот снова все тот же цех, все тот же верстак, и все те же монотонные, оупляющие действия. Ведь завод – это не то место, где ты мог бы проявить свои индивидуальные качества. Железобетонное чудовище, дышащее кислотами и воняющее машинной смазкой, не потерпит этого. Ему не нужны талантливые люди, ему нужны усердные работяги, которые, без лишних вопросов и «выпендрежа», будут выполнять, по возможности качественно, порученную им работу. Инициатива и всякие мысли при выполнении порученного задания строго наказываются.

После того как завод выжал из человека все, что ему было

нужно, он оправляет человека либо на инвалидную группу, либо на пенсию, тут уж как ему повезет, платя при этом ему минимум пенсии, чтобы бывший работник не смог умереть с голоду первые 2-3 года. А там, как говорится, выбор за самим пенсионером.

И вот Гена стоял на широких ступеньках, ведущих от прохладной к тенистой аллее парка, и подставлял лицо теплым лучам.

– Яблочкин! Ну где ты запропастился, горе ты мое? – раздался откуда-то снизу девичий голосок. – Я тебя жду, жду, а ты здесь солнечные ванны принимаешь? У нас дел невпроворот. Ты хоть не забыл, куда тебе сегодня нужно?

– Помню. В институт, сдавать последний экзамен. – не открывая глаз и блаженно улыбаясь ответил Гена.

– Да-а? А в котором часу? – язвительно спросила девушка.

– В шесть.

– А сейчас сколько?

– Ну так ты ведь на машине. Успеем.

– А вдруг пробки?

– Ну так мы их откупорим – он вытащил из кармана штопор, рассмеялся и бегом спустившись по ступенькам, обнял девушку за талию. – Здравствуй, Танечка. Я так рад тебя видеть.

– Да ну тебя, дурак – притворно она надула губки и попыталась увернуться от поцелуя. – Гена. Перестань, люди смотрят.

– Поехали уже.

– Не-а. Пока не поцелуешь, не поеду.– Юноша приблизил свое улыбающееся лицо к ее.

Таня вздохнула и посмотрела на него глазами полными любви.

– Ну как сегодня прошел день? – спросила она, выводя машину со стоянки.

– А-а. – Он брезгливо махнул рукой. – Все одно и то же. Словно не было этих... – тут он осекся и виновато взглянул на Таню.

– Ген. Я же просила.

– Извини. Короче, завод – это такое болото, что всколыхнуть его может только атомная бомба.

– А авиационная не подойдет? – девушка чуть заметно улыбнулась.

– Не-а. у нас станок «Гельотина» так грохочет, что взрыв этой бомбы никто и не услышит. Только атомная.

– Усегда гатую!

– Идиот – улыбнулась Таня.

– Я тебя тоже люблю. А как у тебя день прошел?

– А-а, так –она небрежно махнула рукой, и уловив его взгляд, улыбнулась. – Провозилась с одним документом. Даже и не заметила, как день пролетел. Так и не закончила, а завтра сдавать. Пришлось домой взять.

Гена печально вздохнул. Созерцание весь вечер телевизора и Таниного затылка его мало прельщало.

Поняв, о чем он сейчас вздыхает, девушка попыталась его успокоить- Но там соведем чуть-чуть осталось, всего две-три странички. Я быстро.

Гена понимающе кивнул головой.

– Останови здесь. У нас есть еще немного времени, хочу пешочком пройтись – попросил он.

Припарковав машину у тротуара, Таня включила сигнализацию и взяла Гену под руку.

– Как ты думаешь? – спросил он задумчиво, глядя куда-то вдаль – Может зря я затеял все это с учебой?

– Как это зря? – Таня от возмущения даже остановилась.

– Ты что так и хочешь всю жизнь просидеть в своем, как ты называешь, болоте?

– Ну почему же? Пойду на рынок, торговать буду.

– Ой, не смейся меня. С тебя такой же торгош, как с меня Пугачева. Ты вон в прошлое воскресенье мобильник хотел сбыть. Купил за сто, а продал за двадцать. Хорошо наварился? Так что иди тихонько и вспоминай все, что мы с тобой учили.

– Да, ты права. Вот отучусь, стану историком и тогда...

Он вдруг схватил девушку за талию, оторвал от земли и закружил в воздухе.

– Поставь, где росло. Уронишь. – Смеясь, попросила Таня, крепко обнимая его за шею.

– Нет, тебя нельзя ронять. Ты у меня хрустальная. – серьезно ответил Гена и опустил ее на асфальт.

– Отучишься и что? В школе историю будешь преподавать? – возвратилась девушка к прерванному разговору.

– Нет, что ты. Займусь любимым делом – мечтательно прищурился парень.

– Это каким же, если не секрет?

– Хочу восстановить исторические памятники по всему бывшему союзу.

Таня тяжело вздохнула и пригладила на его голове растрепавшиеся по ветру волосы.

– Идем скорее. Через десять минут экзамен – вернула она Гену из облаков на землю и они ускорили шаг.

Почти час Таня мерила шагами коридор перед аудиторией пока из нее не вышел Яблочкин.

– Уф – выдохнул он и в изнеможении прислонился к стене.

– Ну? Как? – сгорая от нетерпения, бросилась к нему девушка.

– Кажется, ответил на все вопросы, но окончательный диагноз покажет вскрытие.

– А ты все шутишь.

– Я серьезно. Результаты будут завтра. Сможешь днем заскочить посмотреть?

– Конечно. Я же умру от любопытства до вечера. Ну что? Куда сейчас? Домой?

– Вообще-то хотел в Париж заскочить, по Елисейским полям потоптаться, но раз ты хочешь домой, поехали домой.

Таня взяла Гену по руку и они медленно пошли к выходу.

– Танюшка. Скажи мне, только честно, ты веришь в то, что я поступлю?

– Какие могут быть сомнения? Обязательно поступишь. Ты же ведь у меня такая умничка.

– Тогда может быть махнем куда-нибудь в кафе, посидим, отметим это дело?

– Я бы с удовольствием, но... – Таня тяжело вздохнула, затем, чуть помедлив вскинула голову и улыбаясь взглянула на Гену. – А давай завтра. Вот завтра увижу тебя в списках поступивших и поедем отмечать, а сегодня извини, у меня, сам понимаешь...

– Понимаю. Завтра так завтра. А сегодня мы отпразднуем сдачу моих экзаменов... – Он вопросительно взглянул на спутницу.

– У нас, кажется еще плов оставался.. – потупив глаза, смущенно произнесла Таня.

– ..по восточному – улыбнувшись, закончил фразу Гена.

Вернувшись домой, молодая пара поужинала и как-то незаметно для себя разбрелись каждый в свой угол. Таня села за свою работу, а Гена, развалившись на диване, тупо переключал каналы телеприемника.

«Нет, ну совершенно невозможно смотреть, когда классную рекламу перебивают показом какого-то дубового фильма – чертыхнулся он, выключил телевизор и поднялся – А новости – это просто репортаж с арены боевых действий. Мне кажется лучше в наше время читать Пушкина и Сенке-

вича, чем глотать валидол у экрана».

Гена уже подошел к полкам с книгами, когда на кухне зазвонил телефон.

– Я сниму – крикнул он в сторону Таниной комнаты и поднял трубку.

– Здравствуй, сынок. Ты не мог бы заскочить к нам на минутку? – раздался знакомый с пеленок, родной голос.

– Да, мама. Конечно, сейчас приду.

Гена положил трубку и вышел в прихожую

– Тан, я к своим ненадолго.

– Хорошо – послышался из-за двери отстраненный ответ.

Яблочкины жили в соседнем подъезде и уже через пять минут Гена стоял у родной квартиры. Дверь ему открыла небольшого роста, полненькая женщина, с преждевременными морщинками у глаз и белыми, как летнее облако волосами.

– Сына вызывали? – улыбаясь спросил Гена, при этом нежно обнимая и целуя мать.

– А что это за сын, которого как такси вызывать приходится? – полушутливо, полуукоризненно спросил отец и вышел за матерью в коридор. – Ну, здравствуй, что ли?

Мужчины с любовью, но несколько сдержанно обнялись.

– Проходи на кухню. Я как раз чайку заварила – потянула его в глубь квартиры Анны Трофимовны.

Сидя за столом, Гена смотрел на родителей и поймал себя на том, что каждый раз, приходя сюда, он не переставал

удивляться, как они изменились за эти бесконечные для них и короткие для него пять лет.

Хоть им и сообщили тогда, что Геннадий уехал в Америку, но ни Анна Трофимовна, ни Сергей Семенович в это особо не верили. Ведь не может просто так человек, а тем более их единственный и горячо любимый сын, уйдя на День рождения, вдруг взять и улететь в какую-то Америку. Без денег, без одежды, без ничего. Чушь! Они прекрасно это понимали и потому с первого и до последнего дня не прекращали разыскивать его. Анна Трофимовна оббивала пороги милиции, прокуратуры и даже экстрасенсов, а Степан Семенович обхаживал больницы, морги и даже кладбища. Пытаясь узнать у работников, кто похоронен в безымянной могиле. А по вечерам они под ручку прогуливались по улицам города с надеждой вглядываясь в лица молодых людей.

За эти годы мать сильно постарела. Волосы из цвета соломы стали совершенно белыми, у глаз пролегли глубокие морщины, уголки губ опустились, а улыбка уже давно перестала озарять когда-то красивое лицо. Отец внешне изменился не так заметно, лишь только еще больше похудел, еще сильнее ссутулился и стали слегка дрожать пальцы рук. А какой была их встреча? Таня подвела его под дверь квартиры и позвонила. Она тотчас же распахнулась, словно родители ждали этого звонка у порога. Мать, увидев худого, грязного, оборванного сына, охнула и тихо сползла по стене на пол. Отец растерянно стоял в прихожей, не зная, к кому первому придти

на помощь. Но когда Гена бросился к матери он тоже поспешно наклонился к ней и вот здесь их головы встретились. Пока отец с сыном, не обращая внимания на ушибленные лбы, пытались привести в чувства мать, Таня сбегала на кухню и принесла оттуда чашку с водой. Растолкав незадачливых врачей она растегнула на женщине ворот кофточки и смочила ей лицо и шею. Анна Трофимовна открыла глаза и слегка улыбнулась – Простите меня – тихо произнесла она. – Что-то в глазах потемнело. Это сейчас пройдет.

Гена стоял перед ней на коленях и нежно целовал ее руку, а по щекам текли по- детски чистые, но по- мужски скупые слезы очищения, слезы, которые вымывали из сердца всю грязь, накопившуюся за годы скитаний. Отец стоял рядом и молча гладил сына по голове. А через месяц Гена переехал жить к Тане.

– Ну как идет сдача вступительных экзаменов? – спросила Анна Трофимовна сына, незаметно придвигая к нему вазочку с печеньем.

– Сегодня был последний.

– Ну и как? – отец даже перестал помешивать сахар в чашке.

– Завтра узнаем.

– А сам как чувствуешь? – две пары любящих глаз выжидательно смотрели на Гену.

– Не знаю – пожал он плечами. – Это комиссия решать будет.

– А к нам сегодня милиция приходила – как бы между прочим проронила Анна Трофимовна, но судя по тому как она нервно теребила скатерть Гена понял, что этот визит ее очень напугал.

– Справлялись о моем здоровье? – попытался пошутить сын

– И не только о здоровье – вступил в разговор отец – Расспрашивали о тебе все начиная с момента рождения и до сегодняшнего дня.

– Вот ведь как я им понравился. Может хотят в свои органы меня завербовать.

– Не смешно сынок. Особый интерес у них был о твоих отношениях с покойным Бразгуновым.

– Ну, и?

– Что, ну и? Рассказали все, что могли припомнить. Старые мы стали, память дырявая, прохудилась за столько лет.

– Спасибо. А они как? Говорили?

– Не знаю, но радости на их лицах было меньше чем спирта в этом чае.

Гена задумался, повертел в руке пустую чашку.

– Что ж, спасибо за информации, буду иметь ввиду, что эти ребята не оставляют надежду получить премию.

– Сынок! Ты действительно ни в чем не виноват? – подняла голову Анна Трофимовна.

– Обижаешь, мама. Уж кому, кому, а вам врать у меня язык не повернется. – Гена поднялся и натянуто улыбнулся.

– Еще раз спасибо и не переживайте так. Я абсолютно невиновен. Ладно родители, побегу, Танюша ждет. Завтра заскочу сообщить результаты экзаменов. Пока.

Он обнял отца, нежно поцеловал мать и вышел из квартиры. Через три минуты Гена уже снимал обувь у себя в коридоре.

– Танечка! А вот и я! – громко сказал он. В ответ ни раздалось ни звука. – Солнышко, оторвись от своих бумажек. Встречай своего ухажера. Снова ответом была тишина. «Уснула, наверное, горемычная» – решил Гена и тихо отворил дверь комнаты. Тани не было.

Вот те раз – удивленно пробормотал он. – Стоило мне на полчаса отлучиться и вот вам пожалуйста.

Гена торопливо обошел все закоулки, даже заглянул в туалет и ванную – девушки в квартире не было.

«Это уже становится не смешно» – подумал он и прислонился к стене в коридоре. – Что-то мне подсказывает, что мое недавнее прошлое возвращается. И так, главное не ударятся в панику, а все хорошенько обдумать. Начнем с того, что бумаги на столе лежат... – Гена оторвался от стены и еще раз заглянул в комнату – аккуратной стопкой, словно она вышла на пару минут. Так. В коридоре ничего не разбросано и следов борьбы не видно. Значит к ней приходил кто-то хорошо знакомый. Да ну тебя на фиг, Шерлок Холмс хренов! – обругал он сам себя. – Искать надо, а не с лупой по квартире лазить.

Выбежав из подъезда Гена растерянно осмотрелся по сторонам. Куда бежать, вправо или влево? И тут он заметил на скамеечке двух старушек с интересом рассматривающих его местами не ношенный туфли.

– Мое почтение труженицам заслуженного отдыха. – Шутливо поздоровался с ними Гена.

Глаза старушек переместились поближе к воротнику, а на лицах отразился немой вопрос.

– Вы не подскажите, в какую сторону пошла или поехала красивая девушка, которая вышла отсюда с полчаса или больше назад. Возможно она была не одна.

Женщины повернулись друг к другу и стали полусшепотом что-то оживленно обсуждать.

– Можете воспользоваться звонком другу – посоветовал им Гена.

Через две минуты обсуждение закончилось и они снова устали на ноги.

– Не знаем, молодой человек. Мы всего минут пятнадцать назад как вышли на улицу.

– Так что ж вы досрочным ответом не воспользовались? – плюнул в сердцах Гена и побрел по улице, лихорадочно пытаясь сообразить, что ему делать дальше. И тут он вспомнил об одном типе, который пару тройку раз всплывал рядом с фамилией Брызгунова, а потом и Яблочкин.

– Точно! – ударил он себя ладонью по лбу. – Ставлю свой зуб против слоновяного бивня, что это его рук дело. Этот бе-

лобрысьй ведь давно увивался за Таней и всем, что к ней, по его мнению, прилагается. Вот видно и надумал какую-то пакость. Это мы проясним, осталось дело за малым. Узнать адрес человека, о котором кроме цвета волос ничего не известно. Кто это по твоему может сделать? Справочная служба? Нет. Милиция? Ха. Они после выходных сами себя найти не могут. Кто еще? Вот! Мои бывшие коллеги. За пузырь беленькой они не то, что блондина какого-то найдут. Достанут точный адрес. Бен Ладона с детальным чертежом его бунгало, а если дать на второй, то и самого приведут. Гена осмотрел содержимое бумажника и бросился ловить такси.

Через пол часа он стоял у до боли знакомой обшарпанной двери.

«Только бы он был дома» – подняв к потолку глаза, прошептал Гена и ступил во внутрь. В нос ему ударил слегка подзабытый запах грязи, табачного дыма и перегара.

«Как это я здесь жил целых пять лет?» – с удивлением подумал он, но тут же эта мысль исчезла, когда увидел сидящего на полу Шустрика, стругающего ножом обмотку медного кабеля.

– Даешь стране цветмед? – вместо приветствия спросил Гена.

Шурик на секунду поняв голову, взглянул на вошедшего без всякого видимого интереса и снова принялся оголять медную проволоку.

– Ну ты, хотя бы для приличия обрадовался бы, что ли. –

Немного обиделся Гена.

– Ты же не бутылка, чтобы тебе радоваться, и не заморская бумажка с портретом ихнего вождя. Что-то случилось?

– А с чего ты взял, что должно что-то случиться?

– Послушай Ген – отложил нож в сторону Шустрик и посмотрел на парня снизу вверх – Я к твоему сожалению еще не все мозги пропил. Если бы тебе от меня ничего не надо было, ты бы и не вспомнил, кто я такой, а при встрече сделал бы вид, что меня не знаешь, но раз сам примчался сюда значит тебе что-то от меня нужно, а раз нужно – что-то случилось. Верно?

Гена слегка стушевался, и лишь молча кивнул головой.

– Ну вот и чудненько – продолжил Шустрик, прикуривая сигарету. – А теперь присядь на кровать и успокойся, а то у тебя цвет лица какой-то не здоровый для твоих лет. Рассказывай.

Гена присел на краешек скрипучей кровати, закурил, но через две затяжки бросил сигарету и затушил ее каблуком.

– Таня исчезла – наконец сказал он.

– Так. Насколько мне не изменяет память – Таня, это та самая.

– Да, да. Это дочь Безрукова. – Гена вскочил и стал расхаживать по комнате. – Понимаешь, последний месяц мы жили вместе, а сегодня я пришел домой, а ее нет.

– Может она в магазин пошла? – предположил Шустрик.

– Да, какой магазин?! Вот как было дело. – Гена снова сел

и уже более подробно рассказал о сегодняшнем вечере.

– Ну, а от меня ты чего хочешь? – пристально глядя на Гену спросил Александр.

– Адрес этого белобрысого типа, что крутился возле Брызгунова, а потом искал меня.

– Ты думаешь, это он?

– Уверен.

– А мне кажется вряд ли – с сомнением пожал плечами Шустрик.

– Слушай, аналитик хренов, я тебя не спрашиваю он это или не он. Я спрашиваю, адрес достать сможешь? – вскипел Гена.

– Ну-ну, не ори. – Спокойно произнес Александр и кряхтя поднялся. – На счет аналитика ты правильно подметил. Когда-то я им и был. Так ты говоришь адрес. Сейчас подумаем.

– Аналитиком? Действительно? А чего же ты мне об этом раньше не говорил? – Гена удивленно уставился на товарища.

– Пожалуй попробую. А? Чего я раньше не говорил? А кому? Тебе тогдашнему, которому и до себя то особо дела не было, не то что до других. Короче, адрес будет стоить примерно два пузыря.

Гена, не задумываясь вынул деньги. Жди меня здесь. Постараюсь вернуться как можно быстрее – сказал Шустрик и сунув бумажки в карман вышел из квартиры.

Оставшись один Гена стал монотонно расхаживать по

комнате, выкуривая одну сигарету за другой.

«Может еще раз набрать ее? А вдруг она... – он стал судорожно шарить по карманам. – Тьфу ты. Идиот. Мобилу где-то посеял. Но скорее всего нет ее дома, у этого она козла пещенкой чувствую.»

Вдруг раздались громкие удары в дверь. «Кому-то еще не терпится увидеть Шустрика» – подумал Гена и выглянул в коридор. Там он нос к носу столкнулся с вошедшим следователем.

– Ба! На ловца и зверь бежит – с нескрываемым удивлением воскликнул Фомин.

– Больше зверю делать нечего как за ловцами гоняться – недовольно проворчал Яблочкин и вернулся в комнату.

– А ведь мы вас, гражданин Огрызкин, простите, Яблочкин, по всему городу ищем – прошел за ним следом капитан.

– Чего меня искать? Адрес знаете, чиркнули бы повесточку, я бы и примчался как конек-горбунок, на полусогнутых – криво усмехнувшись сказал Геннадий и присел на кровать. Следователь остановился напротив него.

– Повестка это хорошо, но я думал в домашней обстановке поговорить. Так мне, кажется, разговор лучше идет, душевнее.

– Ага. Чайку на коляву попить, а может и еще чего покрепче – кофе например.

У Фомина зло сверкнули глаза, но он сдержался.

– Но раз я неожиданно встретил вас здесь, то думаю, мож-

но поговорить и без чая. И так, насколько мне стало известно, Вы с покойным Василием Александровичем были знакомы довольно давно.

– Сколько себя помню.

– И вы ухаживали за его дочерью? Как ее? Татьяной, кажется.

– Это вам, наверное Татьяны только кажутся, а я действительно знаю ее с детства.

– Значит пока все верно. Тогда объясните, как вы пять лет назад попали сюда?

– Думаю, что на машине. Извините номера не помню.

– Смешно. Кто подделал вам документы, изменил фамилию, оформил на вас эту квартиру? Почему вас из простого, рабочего человека сделали бомжом? Кому это было нужно?

Гена немного помолчал и взглянул на следователя.

– Послушайте, как вас по батюшке?

– Александр Петрович.

– Послушайте, Александр Петрович. Вы ведь сегодня были у моих родителей и спрашивали приблизительно тоже самое. Так зачем же гнать из пустого в порожнее?

– Так значит вы не отрицаете, что все это с вами проделал Брызгунов?

– Нет не отрицаю.

– Тогда мне кажется, у вас был довольно весомый повод отправить его туда, где он сейчас.

Гена медленно поднялся и сделал шаг к капитану. – Зна-

есть Александр ибн Петрович, если бы все, кому он причинил вред захотели бы его грохнуть, то у кафе Яблочкину упасть было бы негде.

– А вы знаете еще кого-то, с кем он поступил также?

– Пока только одну жертву. В этом же доме жила Зоя, не знаю ее фамилии, так к Брызгунову у нее больше претензий, чем у меня.. Он ее из квартиры выгнал.

– А у вас, получается, претензий нет?

– Слушай, капитан – стал терять терпение Яблочкин. Тогда я не помню ничего из моего прошлого, а тем более Василия Александровича, поэтому претензий у меня к нему не было. Я его не мочил! Ясно?

– Тихо, тихо, Геннадий Сергеевич. Не орите, я не глухой. Вы его не убивали. Я понял. Можно последний вопрос?

Гена молча смотрел мимо капитана.

– А Шустров Александр Захарович мог это сделать?

Яблочкин удивленно взглянул на следователя.

– Ну, Шустров, хозяин этой квартиры, мог его убить?

– За что?

– Как это? Ведь он его выгнал из собственного жилья, поселив сюда вас.

Гена немного подумал и покачал головой.– Нет, Саня не убивал. Он слишком высоко ценит жизнь, чтобы отнять ее у другого.

– Вы так думаете? Ну, это мы посмотрим. А, кстати, где он сам?

– В казино, рулетку крутит.

– А, серьезно?

– Серьезней не бывает.

Тут скрипнула дверь, и в квартиру вошел Шустрик.

– Интересная штука жизнь. Каждый раз, когда возвращаюсь домой, постоянно меня здесь какой-нибудь сюрприз ожидает. – Недовольно проворчал хозяин квартиры. – Вот и сегодня, целый день хожу и мучаюсь, к чему это мне сегодня ночью опариши снились. Ан, вот к чему. К незванным гостям.

– А мы вас ждем, Александр Захарович – вышел вперед следователь.

– Вы уж извините, не знал, что меня ждут. В казино заигрался.

Капитан изумленно перевел взгляд с Шустрика на Яблочкина.

– Где? – переспросил Фомин.

– В казино, не верите? Вот – он высунул из кармана замусоленных брюк целую пригоршню рулетных фишек, потряс ими перед носом, опешевшего следователя и снова спрятал обратно.

– Кхе. – кашлянул капитан. – Ладно. Пусть будет казино. Но я, собственно, хотел поговорить о другом.

– Слушаю Вас – Шустрик присел на кровать и закурил.

– А можно с глазу на глаз. – Фомин покосился на Гену.

– Хорошо. Сейчас провожу человека и вернусь.

На лестничной площадке Шустрик знаком попросил Яблочкина поклониться и зашептал ему на ухо.

– Они сказали, чтобы ты сам пришел.

– Кто сказал?

– Рыжий со своими людьми. Он знает адрес твоего блондина, но даст его только тебе.

– А это точно, тот самый блондин?

– Точно. Он рыжему сам чиркнул, как его найти, когда тебя разыскивал.

– Спасибо. Они все там же, на пустыре?

– Да.

Гена уже пожал, на прощание, Шустрику руку, но любопытство взяло верх и он, улыбаясь, спросил:

– Сань, а ты, действительно, в казино заглядываешь?

– Ты что, сдурел? Кто меня туда пустит?

– А фишки откуда?

– А!?! – Шустрик достал одну и протянул Гене. – Это пуговицы. На, возьми на память. Я их просто, от нечего делать, под фишки размалевал. Да и толкаю, иногда, приедем лохам. Ну, все, давай. Меня золотарь человеческих душ ждет.

– Почему золотарь?

– Так ведь, оба они в дерьме ковыряются, только каждый в своем.

Когда дверь за Шустриком закрылась, Гена подбросил пуговицу вверх, поймал, удивленно покачал головой, затем спрятал в карман джинсов и быстрым шагом вышел из подъ-

езда.

К пустырю Яблочкин подходил в некотором волнении. За годы, проведенные у Шустрика в квартире, он знал, какой контингент там собрался. Это были поистине страшные люди. Если у криминальных «отморозков» имелось хоть какое-то понятие о чести или уважение своего собственного закона, то здесь не было ничего. Все держалось на страхе и желании любой ценой прожить сегодняшний день. От них можно было ожидать, чего угодно.

Ступив во владения Коли Рыжего, Гена заметил, что и как два месяца назад, у вырытых землянок и криво сколоченных дощатых будок, так же горит костер, а возле него на том же самом кресле сидит предводитель «отбросов общества» – Рыжий.

– Доброго здравия – поздоровался Яблочкин.

Никола, не оборачиваясь, молча указал ему стать недалеко от себя. Когда Гена занял указанное место, тут же из землянок выползли трое бомжей и устроились рядом.

– Мне сказали, что у вас есть адрес одного, интересующего меня человека. Я готов его у вас купить – сразу перешел к делу Яблочкин.

– Не гони лошадей – наконец выдавил из себя рыжий, даже не взглянув на пришедшего. – У нас к тебе совсем другой базар будет. Совсем недавно ты, кажется, был одним из нас.

– Не по своей воле.

– Здесь все не по своей воле – смех вожака перешел в ка-

шель туберкулезника. – Но теперь ты стал крутой.

– Я просто вернулся к своей прежней жизни.

– И, насколько я знаю, живешь с дочкой того самого типа, который выбросил из квартир на помойку Зою, Шустрика и еще пару человек.

– Живу.

– А тебе не кажется, что надо как-то компенсировать моральный и материальный ущерб этих людей?

– Мы то здесь причем? – развел руками Гена.

– А с кого нам теперь спросить? Брызгун в земле червей кормит, с него теперь не спросишь, а твоя подруга, как никак, наследница. Да, и ты к его бабкам теперь доступ имеешь.

– Не оставлял он никаких денег!

– Не свисти. Такими делами ворочал и по нулям? Не верю. Короче, мы здесь с мужиками прикинули, за все про все вы нам должны 50 штук баксов.

– Но...

– Сроку тебе два дня. Принесешь – останетесь целы, не принесешь – пеняйте на себя.

Страшная догадка мелькнула у Гены в голове.

– Так это ты похитил Таню? – одним прыжком он пересек расстояние до кресла, схватил рыжего за грудки и рывком поставил его на ноги. – Где она?

– Ах, ты сопляк – прохрипел Николай и неожиданно для Гены, ударил его в солнечное сплетение. – На меня руку поднял?

В глазах у Яблочкина потемнело, дыхание перехватило и он согнулся пополам, но удар коленкой в лицо, опрокинул его на спину. Подождав, когда Гена немного придет в себя, рыжий наклонился над ним. – И запомни, щенок, я тебя не пришил только потому, что ты мне теперь 100 штук принесешь не через два дня, а завтра.

Яблочкин открыл глаза и увидел над собой уродливое лицо. Ярость с новой силой охватила его.

– Верни Таню, гад! – воскликнул он и мертвой хваткой вцепился в рыжее горло.

Не ожидавший этого Николай, упал на Гену и они сплелись в единый клубок. Хоть Яблочкин был намного моложе главаря бомжей, но силою похвастаться он не мог, да и драться ему приходилось последний раз в 8 классе. В отличие от него рыжий всю жизнь провел в драках и борьбе за кусок хлеба, от этого мышцы его были как канаты, а пальцы по своей силе равнялись клещам. И он этими руками держал в страхе всю свою шайку «отбросов общества», а теперь еще и Генино горло.

Катание на земле продолжалось несколько секунд, пока Николай не оседлал Гену.

– Ну, успокоился, недоносок? – хрипло спросил Рыжий, видя как у парня глаза стали выкатываться из орбит, а лицо стало пунцовое. – Знаешь, Огрызкин, ты мне надоел. Денег от тебя все равно не дождешься, а поэтому я ду...

В этот миг раздался глухой стук. Пальцы на Гениной шее

ослабили хватку и Рыжий тяжело завалился набок.

– Эй, Сивый, быстро принеси воды пацану – словно сквозь вату до Гены донесся чей-то голос и вскоре на лицо полилась живительная влага. Гена открыл глаза и сквозь кровавую пелену увидел склонившиеся над ним лица. Люди оживленно болтали между собой.

– Ну, как он?

– Жить будет.

– А ловко ты рыжему коленом по темечку завинтил.

– Откомандовался хватит. А то он в последнее время совсем заврался. Почти все отбирать стал, даже на сигареты не оставлял. Теперь все.

– А с Зойкой его, что делать будем?

– Ее не трож, она – мой трофей.

Гена сделал попытку встать, и тут же двое подхватили его под руки и подняли на ноги. Вскоре Яблочкин окончательно пришел в себя.

– Ну, что дядька, оклемался? – спросил невысокого роста коренастый бомж.

Гена в ответ кивнул, горло сильно саднило.

– Это хорошо. – крепыш уселся в кресло и забросил ногу за ногу. – Так как я теперь буду пасти это стадо, то хочу предложить тебе одну сделку.

Яблочкин вопросительно взглянул на новоиспеченного вожака.

– Ну, ну, не пугайся. Я не такой кровожадный, как бы-

ло это тело – усмехнулся и кивнул на лежащего неподалеку Кольку Рыжего. – У меня к тебе будет деловое предложение. Я помогал тебе – ты мне. Идет?

Гена пожал плечами.

– Понимаю. Но думаю, что согласишься. Во-первых, хочу сказать, что никакой Тани здесь нет, и не было. Он никого не крал.

Яблочкин попытался что-то сказать, но лишь поморщился и схватился за шею. Тогда он показал жестами, что хочет что-то написать.

– У кого есть карандаш и бумага – спросил крепыш, оглядывая, собравшихся. – Историк, у тебя должно быть.

От толпы отделилась худая, сутулая фигура и скрылась в одной из землянок. Через минуту Гена держал в руках замусоленный листок бумаги и огрызок карандаша. Он что-то черкнул и протянул жожаку.

– Вот об этом я и хочу с тобой поговорить – сказал коренастый, когда прочел записку. – Мы тебе называем адрес твоего блондина, а ты помогаешь Зойке вернуть ее квартиру. Идет?

Гена еще раз пожал плечами и кивнул. «Она и так ее будет. Сделка ведь была не законная», подумал он.

– Вот и хорошо – удовлетворенно кивнул крепыш.

– А теперь запоминай. Твой блондин живет по Советской 24, кв. 17. Зовут Альгерт. Я свое обещание выполнил, теперь дело за тобой.

Гена снова кивнул и полез в карман. Достав оттуда двадцатку, он протянул ее жожаку.

– На вот. Обмойте новое тело и нового главаря – хрипло произнес он. – Как говорится «Король умер, да здравствует король».

– Это точно с жадностью выхватил бумажку коренастый. – Историк, сгоняя в магазин. Нет лучше на точку. Возьмешь на все.

– Ну, я пошел. Спасибо за теплый прием – сказал Гена, и не дожидаясь ответа двинулся в сторону города.

– Про квартиру не забудь. Ты обещал – крикнул ему вслед коренастый.

Вскоре Яблочкина нагнал гонец за спиртным. Поравнявшись, они некоторое время шли молча.

– Брызгунова Рыжий пришел – тихо сказал историк.

От неожиданности Гена даже остановился. – Да ну?

Бомж молча продолжал идти дальше.

– Погоди. Как? Когда? За что? – догнал его Яблочкин.

Мы с одного дела возвращались Рыжий, я и Зойка, и еще пару пацанов. Не далеко встретили Левого, затаренного под завязку. Он и рассказал нам, что в кабаке гулянка всю ночь гудит, а задний двор завален всякой всячиной. Мы свернули туда и только к контейнерам подошли, а из кафе этот тип вываливает.

– Один?

– Нет, с этим белобрысым. И идет к нам. Зойка его увиде-

ла, завизжала: «Ты мол, такой, сякой, квартиру у меня украл. Обещал заплатить, а сам голую на улицу выбросил!» ну и все такое . Тот конечно ее послал, она в ответ, вобщем, началась грызня. Вдруг Рыжий к ним подскакивает, и не успели мы глазом моргнуть, как он ему нож всадил по самую рукоятку. Вот так было дело.

– А блондин?

– Он как это увидел, сразу деру дал, а мы тело затащили за кусты и тоже смылись.

Гена вытащил еще десятку и протянул ему.

– Спасибо, а то меня менты задалбали. А Шустрик там был?

– Неа, не было.

– Еще раз спасибо. Авось когда-нибудь встретимся.

– Надеюсь, что нет.

После этих слов, они, даже не попрощавшись разошлись.

На Советскую Гена добрался, когда уже совсем стемнело. Проходя мимо одноэтажной пристройки с неоновой вывеской «Пиццерия» он приостановился, с минуту постоял в задумчивой нерешительности, а затем нырнул в темноту заднего двора. Вскоре Гена вышел оттуда, держа в руке, пустую коробку из-под пиццы.

«Будем действовать в лучших традициях Голливуда» – усмехнувшись, подумал он и скорым шагом направился к заветному дому. Найдя, нужную квартиру, Яблочкин с силой вдавил кнопку входного звонка.

– Кто там? – послышался из-за двери удивленный голос.

– Доставка пиццы.

– Пиццы? Какой пиццы? Я ничего не заказывал.

– Ничего не знаю. У меня указан адрес Советская 24, кв. 17. Или я что-то перепутал?

– Нет. Это мой. – раздался щелчок замка, дверь приоткрылась и в проеме показалось уже знакомое Гене лицо – Может у вас – он так и не окончил фразу, так как коробка вместе с кулаком отбросили его в квартиру.

– Где Таня? – спросил Яблочкин, закрывая за собой дверь.

– Какая Таня? Вы кто? Что вы себе позволяете?! Катя!

Звони в милицию – кричал блондин, даже не пытаясь подняться с пола.

– Да. Катя, звони и не забудь сказать, чтобы прислали сюда капитана Фомина. Для него здесь есть очень ценный подарок в лице одного типа, который может многое рассказать о деле Брызгунова. Так же передай, что его здесь ждет Яблочкин, который тоже хочет ему кое-что сообщить.

– Яблочкин?! – белобрысому, наконец-то, удалось сесть на полу, и теперь он, с еще большим удивлением, смотрел на Гену снизу вверх. А то я думаю, откуда мне твое лицо знакомо.

– Слышь ты, Спиноза. Так и будем друг друга комплиментами осыпать или все таки скажем, куда Таню спрятал. И на кой тебе надо было это делать?

– Что делать? – даже более смелее, спросил хозяин квар-

тиры, и даже попытался подняться, но Гена легким толчком снова посадил его обратно на пол.

– Не изображай из себя Дауна. Ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Альгерд, так звонить в милицию или нет? – выглянула из комнаты девушка с лицом китайской Барби.

– Исчезни – зло прошептал блондин.

– Нет, погоди – жестом остановил ее Гена. – Вы давно с этим – он брезгливо кивнул он в сторону сидящего на полу – здесь в шахматы играете?

– Я не умею в шахматы – уставилась она на Яблочкина голубыми глазами, в которых не было ни одной мысли.

– Ясно. Спросим по-другому. Вы давно находитесь вместе в этой квартире?

– Со вчерашнего вечера.

– И вы все это время были здесь? – Гена подозрительно прищурился и стал переводить взгляд с одного лица на другое.

– Да, да. Мы все время были здесь – вскочил наконец с пола Альгерд и встал у двери в комнату, загораживая собой девушку. – Что тебе от нас нужно? Таня пропала? Так ищи ее в другом месте. Здесь ее нет. И вообще. Вы уже давно перестали для меня существовать.

Гена, слушая эти гневные выкрики, молча прошелся по квартире. Все здесь говорило о том, что, действительно пара не выбиралась отсюда, по крайней мере сутки.

– Странно. – пробормотал себе под нос несколько сбитый с толку Яблочкин. Он почувствовал, что их возмущение было искреннее, и что блондин действительно уже и думать забыл о семье Брызгуновых.

– А она тебе кто? Подружка? – просто так спросил Гена, чтобы немного собраться с мыслями.

– Какая это я ему подружка – взорвалась вдруг девушка – я ему законная жена!

– Неделю как поженились. Вот празднуем медовый месяц – почему-то стесняясь пояснил Сергей.

– Что ж. Поздравляю с примеркой конского галстука.

– Как-нибудь загляну на недельке – отрешенно сказал Гена и направился к выходу.

– Только без пиццы.

– А? Да, я в следующий раз что-нибудь из суши бара прихвачу.

Стоя у тускло освещенного подъезда, Яблочкин закурил.

«Круг замкнулся. Ни те, ни другие мою Танюшку не трогали. Кто же еще мог это сделать? Кому еще перешел дорогу ее отец? А может она сама?» – вдруг он отчетливо вспомнил, что на столе, где она работала рядом с документами лежит ее записная книжка.

– Ну, я кретин! – ударил себя по лбу Гена. – А сразу догадаться ее просмотреть – это нет? Идиот!

Яблочкин бросил недокуренную сигарету и бросился ловить такси.

Машина с шашечками взвизгнула тормозами у подъезда уже глубоко за полночь. Яблочкин, бросив несколько купюр водителю, стремглав побежал на третий этаж.

«У нас это или я перепутал, на кухне горит свет?» – пронеслось у него в голове, когда он перепрыгивая через ступеньку, отсчитывал пролеты. Вот, наконец, и родная дверь. Немного повозившись с ключом, Гена наконец ворвался в квартиру и остановился как вкопанный. На кухне, в самом деле, горел свет. Яблочкин с мечущимся от волнения по всему телу сердцем, осторожно приоткрыл стеклянную дверь. За столом, положив мирно голову на руки, мирно спала Таня.

– Деточка моя, как же ты меня напугала – тихо сполз по стене Гена.

Девушка вздрогнула и подняла голову. – Ты куда запропастился? – сонно спросила она. – Я тебя жду, жду. А тебя все нет. Даже уснула.

Только сейчас Гена заметил, что на столе стоят фужеры, бутылка дорогого вина, фрукты и какие-то деликатесы.

– Так ты ходила в магазин? – внезапная догадка озарила его лицо.

– Ну, да. Когда ты ушел к родителям, я подумала, что действительно, как-то не правильно было бы не отметить окончание сдачи экзаменов. Вот я и сбегала в магазин. А ты где был? Я твоим звонила. Ты давно уже от них ушел.

Гена присел рядом, обнял ее за плечи и ласково прошеп-

тал. – Милая моя, ты даже представить себе не можешь, как я тебя люблю. Давай, с этого дня ходить в магазин только вдвоем.

–3–

– Тань, ты не видела мою тетрадь по английскому? – Гена безуспешно копался в стопке, пытаясь найти данный конспект.

– А ты в полках стола смотрел? – ответила девушка, не отрываясь от сериала.

«Что она там делает?» – недовольно проворчал он, и стал выдвигать ящики стола – Пошла к конспекту по русскому, буквами обмениваться?

Чтобы облегчить поиски Гена буквально выворачивал содержимое очередного ящика на стол, а затем перебирал и складывал обратно. Высыпав все из последнего ящика, Яблочкин вдруг с удивлением ощутил, что он немного тяжелее и толще других. «Странно» – подумал Гена, оглядывая его со всех сторон. – Такое ощущение, что эта полка страдает вздутием живота». Для сравнения он снова высыпал все содержимое из верхнего ящика, и поставил их рядом. – Ага. У нижнего, днище толще и сделано из другого ДВП.– сразу же определил Яблочкин и бросился в кладовую за отверткой.

– Что ты там стучишь? – спросила Таня, когда он принялся вскрывать дно.

– Делаю трепанацию черепа одному нашему старому знакомому.

– Что делаешь? – не поняла шутку девушка и заглянула в комнату. – Ты зачем полку ломаешь?

– Не ломаю, а произвожу вскрытие – всунув стамеску в щель между боковой стенкой и дном, сказал Гена и нажал. Послышался треск лопнувшего ДВП, и из него посыпались какие-то бумаги.

– Что это? – широко раскрыв глаза от изумления. Шепотом спросила Таня.

Гена взял два листочка, а потом еще один, пробежал по ним глазами, потом, выудил из небольшой горки бумаг какой-то документ, раскрыл его и усмехнулся.

– Это, милая, прежняя, а как для него и будущая нормальная жизнь. – сказал он и протянул ей листок.

– Так это же договор купли-продажи квартиры!

– Вот именно. А это дарственная, а это снова купля.

– А что это за документы?

– Паспорта. – Гена стал просматривать изрядно потрепанные книжечки. Открыв очередной документ, он удивленно присвистнул и протянул его Тане. – Узнаешь?

– Неа.

– Это, Шустов Александр Вениаминович. Ну, Шустрик, помнишь. Я тогда жил в его квартире.

– А, вспомнила!

– А вот другой зарубиной Зои Павловны. Ее квартира была в одном доме с моей. О, смотри и мой старый паспорт тоже здесь.

– И что ты думаешь со всем этим делать? – Таня вернула ему паспорта и потянулась за листками.

– Пока думаю.

Девушка просмотрела несколько договоров и вышла из комнаты, а Гена сел за стол и стал внимательно читать. Через час он подошел к ней, взволнованно теребя в руках несколько бумажек. Таня вопросительно взглянула на него.

– Понимаешь, дорогая. Я нашел в этих документах одну интересную деталь. Все они кроме двух были составлены на твоего отца.

– А два?

– А два, ты будешь смеяться, на меня.

Таня удивленно округлила глаза.

– Да, да. Квартиры Шустрика и Зои – мои.

Гена присел рядом с ней и протянул Тане бумаги.

Она некоторое время внимательно изучала бумаги. Потом отложила их и взглянула на Яблочкина.

– Что думаешь по этому поводу?

Парень пожал плечами.

– Почему он оформил их на меня?

– Это теперь мы, скорее всего не узнаем. Я говорю о другом. Что с квартирами будешь делать?

– Верну их законным владельцам – он взглянул на часы. – Сейчас десять утра, думаю, что за сегодня успею переоформить.

Таня поцеловала его в щеку и поднялась.

– Я в тебе не сомневалась. Поехали.

– А с остальными, что будем делать? – спросил Гена, выходя в прихожую.

– Давай, мы восстановим справедливость по отношению к этим двоим, а потом будем разбираться с другими. Не забудь взять свои паспорта.

– Оба?

– Бери оба, на всякий случай.

Без десяти четыре дверь нотариальной конторы распахнулась и оттуда вышла молодая пара. Вид у них был измученный, но на лицах сияли довольные улыбки.

– Ну, вот, дорогой. Теперь твои знакомые снова стали владельцами своих квартир.

– Осталось только им об этом сообщить.

Таня умоляюще взглянула на Яблочкина.

– Ген, давай завтра съездим. Я устала. А?

Парень галантно распахнул дверцу автомобиля, подождал пока девушка сядет за руль, наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Поезжай домой, милая моя, а я возьму такси и быстренько слетаю к ним. Не волнуйся я туда и обратно.

– Ну, Ген, давай завтра. Куда теперь торопиться?

– Дорогая, я не успокоюсь, пока не отдам документы владельцам. Это же в первую очередь нужно мне. Так что езжай домой, я скоро вернусь.

– Не задерживайся – попросила Таня и завела мотор.

Через каких-нибудь полчаса такси высадило Гену на углу, до спазм желудка, знакомого дома.

«Добро пожаловать в сон, длиною в пять лет» – криво усмехнулся Яблочкин, проходя по грязному двору к подъезду, который он уже никогда не забудет.

– Сань! Ты дома? – спросил он, входя в квартиру и невольно морщась от спертого, вонючего воздуха.

– Пошел вон! – раздалось из комнаты.

– А ты все такой же гостеприимный хозяин. – Не сдерживая улыбки, ответил Гена.

Шустрик лежал на продавленной кровати и отрешенно глядел в потолок. Яблочкин присел в ногах и протянул сигарету.

– О чем мечтаешь? – затянувшись горьким дымом, спросил он.

– Да так. Все больше о хлебе насущном. А тебя сюда, каким сквозняком надуло? – без видимого интереса спросил Шустрик.

– По делу, я Сань, по делу – не стал долго канителиться Яблочкин и полез в пакет. – Вот держи. – вынул он оттуда документы и вложил их в руку Александра.

– Что это?

– А ты прочти.

Шустров приподнялся и стал внимательно вчитываться в бумаги, а когда он открыл свой паспорт, на губах заиграла почти детская улыбка. Александр оторвался от документа и

взглянул на Гену.

– Где нашел. Ах, ну да. Вот спасибо. Давненько я не получал от жизни хорошего. – Шустрик присел на кровать и обнял Гену за плечи. – Теперь я смогу на работу устроиться.

По мере того как Шустов вникал в смысл бумаг, он менялся в лице. С каждой прочитанной строчкой, в глазах все больше и больше разгорался огонь возбуждения. Щеки стали розовыми, а лоб покрылся испариной. В конце он не выдержал и вскочил.

– Ну? – Гена взглянул на Шустрика.

Александр молча положил бумаги на кровать и дрожащей рукой раскрыл паспорт.

– Мой – полукрикнул, полупрошептал Шустрик.

Гена поднялся и вынул из заднего кармана джинсов записную книжечку.

– Это тоже тебе.

Александр взял трудовую, быстро ее пролистал и вместе с паспортом положил во внутренний карман потрепанного пиджака.

– Спасибо – только и смог он сказать, крепко пожимая Генину руку.

Яблочкин слегка удивился, но, взглянув Шустрику в лицо, он увидел такую благодарность, какую не выразили бы никакие слова, а горячее рукопожатие дополняло сказанное глазами. Вдруг Александр убрал руку и отвернулся.

– Ладно, я пойду – сказал, несколько смутившийся Ген-

надий.

– Уже уходишь? – голос Шустрика был хриплый и сдавленный.

– Да. Хочу еще на пустырь заскочить. Зойкины документы тоже у меня.

– Я с тобой – Шустов повернулся, и Гена заметил, как предательская слеза спряталась в глубокой морщине глаза.

– Не надо. Я только отдам, и домой – попытался остановить его Яблочкин.

– Ты думаешь, я тебя одного отпущу в этот термитник? Э, нет. Куда ты, туда и я. Теперь мы с тобой одной пуповиной повязаны.

– В туалет тоже вместе пойдем?

– Надо будет пойдем – в голосе у Александра зазвонел металл.

– Не злись, я пошутил – Гене стало неловко от своей шутки.

– Пошли. Вдвоем даже веселее.

Выйдя из квартиры, они шли некоторое время молча.

– Рассказывай, как у тебя теперь. А то мы в прошлый раз толком-то и не поговорили – спросил Шустрик, пытаясь приноровиться к быстрому Гениному шагу. – Нашел свою Таню?

– Да, все в порядке – улыбаясь каким-то своим мыслям ответил Яблочкин. – Живу, работаю, поступил в институт. А ты как здесь?

– Я? – Александр вдруг громко рассмеялся. – А никак!

Все брат! Нет больше Шустрика. Умер полчаса назад. Поэтому и нечего рассказывать. Перед тобой новый человек стоит, без всякого прошлого. Дай сигарету.

– Первый раз вижу младенца, который через час после рождения сигарету стреляет – улыбаясь сказал Гена.

– Что будешь делать новорожденный?

– Пока не думал. Дай отдышаться от всего случившегося.

– Ну, отдышись, отдышись. Вон уже и пустырь показался. Сейчас младенцев будет двое. Сестричку тебе забачаем.

– Не смешно – почему-то обиделся Шустов.

Вскоре они вошли в поселение отвергнутых властями и обществом людей. У чуть тлеющего костра не было ни души.

– Эй, дневальный или как тебя там? Огонь погас – громко сказал Гена, шаря глазами по землянкам.

От гнетущей тишины в его сердце закралась тревога.

– У них, что сегодня культпоход в театр? – Гена вопросительно взглянул на Шустрика.

– По-любому кто-то должен быть здесь – уверенно ответил тот и крикнул. – Историк! Дрыхнешь что ли? А ну, вылазь из берлоги. Дело есть.

– Мы предпочитаем дело пить – вдруг раздался чей-то голос у них за спиной. – Яблочкин с Шустовым вдруг обернулись. На продавленном кресле сидел Рыжий.

– Колян! – удивленно воскликнул Александр. – А ходили слухи, будто тебя того – он взмахнул рукой со сжатым кулаком сверху вниз.

– Мало ли, что люди брешут. А ты уже по мне и поминки справил? Рановато еще. Я таких как ты еще десять переживу. А кто это с тобой? Никак Огрызок? – Рыжий даже привстал с кресла. – Вот уж кого не ждал, того не ждал. Думал уже к тебе за должком в гости пожаловать. Ан, нет, сам явился. Ну, выкладывайте, зачем пришкандыбали?

– Хочу Зою увидеть. Дело у меня к ней есть – немного оправившись от неожиданной встречи, сказал Яблочкин.

– Да, ты малыш, совсем обарзел на чужую бабу глаз ложить?! – вскочил побелевший от злости Николай.

– Нужна она мне – брезгливо поморщился Гена. – Паспорт я ей принес.

– Дай сюда – Рыжий протянул свою жилистую руку.

– Это ее паспорт.

– Дай сюда – сквозь зубы повторил Николай и сделал шаг на встречу.

– Только ей в руки – Гена прижал руку к нагрудному карману.

Рыжий вдруг отшатнулся, вложил два пальца в рот, и громко свистнул. Через несколько секунд их уже окружила толпа оборванцев.

– Считаю до трех – главарь хищно прищурился.

– Я отдам только ей – Гена вызывающе повысил голос.

Тут между ними встал Шустов.

– Эй, мужики, вы чего? Он хочет Зойке ордер на квартиру отдать и паспорт. Чего ты взбеленился?

– Отвали, Шустрик. Не лезь не в свое дело. Из-за этого молокососа мне чуть бошку не раскроили. А ты спрашиваешь чего. Иди отсюда, пока сам под раздачу не попал.

Александр обвел взглядом, напряженно, ждущую команду, свору бездомных попрошаек – и криво усмехнулся.

– Нет, Колян. А за него с тебя, Рыжий, сам скаल्प сниму – и не размахиваясь двинул жожаку кулаком в челюсть. Толпа всколыхнулась и бросилась на чужаков. Через две минуты Шустов и Яблочкин избитые и связанные лежали на земле.

– Ну, что козлы, допрыгались – сплевывая кровь, глазел рыжий. – Это еще цветочки. Я вам покажу, как против меня идти. Эй, вы, четверо, оттащите их в пустую землянку. Да, смотрите, чтобы оттуда ни одна вошь не вышла, а не то самих там зарюю.

Поверженных тут же схватили под руки, и потащили к вырытой норе.

– Блин. Откуда этот Рыжий взялся – отплевываясь от набившейся в рот земли, сказал Гена. – Его же при мне коренастый пристукнул.

– Значит слабо – отозвался Александр. – Этот гад, двуличный. Его и трактором не задавишь. Хорошо хоть сразу не пришел. Ладно, хватит о грустном, помощи хоть развязаться.

Провозившись некоторое время в темноте им наконец удалось освободиться от веревок.

– Что дальше будем делать? – спросил Шустрик, растирая

запастье.

– Не знаю как ты, а мне домой пора. Таня заждалась.

– Ты думаешь, мне нравится в этой вонючей норе от солнца прятаться?

– Тогда вперед – Гена двинулся к выходу, но не пройдя и пяти шагов уперся в железный лист, закрывающий вид и видимо чем-то подпертый снаружи.

– Ну что там? – спросил Александр, шедший из-за темноты сзади.

– Парадный вход закрыт – сообщил ему Гена.

– Будем искать запасной – и они принялись ощупывать стены. Вскоре узники снова сошлись у входа.

– Как думаешь, мы глубоко под землей? – спросил Геннадий, пытаясь оттолкнуть лист плечом.

– С метр, не больше.

– Тогда будем прорываться через дымоход.

– Какой дымоход?

– Шучу я так, через крышу. Тебе на полу ничего подходящего не попадалось?

– Неа, здесь чисто как в могиле.

– Тогда придется руками. Ох!

– Что случилось? – встревожено спросил Александр.

– Они мне, кажется ребро сломали.

– Дай посмотрю.

– Ты, че, филин, в темноте ребро рассматривать, или у тебя вместо глаз рентген?

– Да я руками. У меня есть кое какой опыт в этом деле.

Шустов приблизился к Гене и стал ощупывать тело. – Нет, не похоже. Скорее всего ушиб или, на худой конец, трещина. Ты посиди пока, а я начну – и Александр принялся пальцами ковырять твердую землю. Вскоре к нему присоединился и Гена.

– Из этого роя не выйдет ничего – через несколько минут устало, сказал Яблочкин, и принялся дуть на, содранные в кровь, пальцы.

– У меня есть другой план – рядом присел Шустрик. – Думаю, раз нас Рыжий сразу не замочил, значит, мы ему за чем-то нужны. А раз, нужны, то морить голодом не будет. Когда принесут пайку, то железо отодвинут, вот тогда можно попытаться вырваться.

– Пожалуй ты прав, можно попытаться – согласился с ним Гена и опустился на пол. – Остается только ждать.

Обсудив, еще кое-какие детали побега, они замолчали и каждый погрузился в свои мысли. Незаметно для себя, узники задремали. Яблочкину снилось будто он плывет на красивом белом теплоходе по бескрайнему океану. Дует легкий, теплый ветерок, ласково светит солнце и волны, словно маленькие котята трутся своими спинами о бок корабля. Он сидит в шезлонге и держит в руках бокал прохладного коктейля. Рядом мирно дремлет Таня, укрывшись от этого великолепия за большими темными очками. Вдруг, небо потемнело на палубу выскочили люди и стали что-то кричать и бегать,

ремя тяжелыми сапогами. От этого шума Гена вздрогнул и проснулся. Гомон и ляск железа стали еще громче. Гена в темноте нащупал плечо Шустрика.

– Я здесь – шепотом отозвался тот.

– Кажется к нам гости – Яблочкин сменил позу и повернулся лицом к выходу. – Приготовься, как только откроют, сразу рвем.

Железный лист, наконец, медленно пополз в бок и в проеме показалась чья-то фигура.

– Давай! – скомандовал, скорее сам себе, Гена и бросился к выходу. Оттолкнув, пытавшегося войти, человека к стене, он выскочил из землянки, но отвыкшие за несколько часов от света глаза, вдруг, наполнились слезами и закрылись против его воли. Единственное, что он успел увидеть – это стоящие у землянки, несколько фигур. Гена на мгновение остановился.

– Ах ты, падла! – раздался рядом с ним голос Рыжего и на голову Яблочкина опустился стальной прут. Перед глазами вспыхнули белые искры, и Гена провалился в черную, вязкую бездну.

Яблочкин пришел в себя оттого, что его что-то трясет и качает из стороны в сторону. Он с трудом открыл веки. Перед глазами висела красно-серая пелена.

– Наконец-то, очнулся – Гена услышал рядом с собой облегченный вздох Шустрика. – Как ты?

Яблочкин поднял руку и ощупал гудящую, словно коло-

кол, голову. На затылке он обнаружил прилипшую тряпочку. Гена попытался приподняться, но острая боль мгновенно пронеслась по всему телу. Он застонал и бессильно упал на тряский и шатающийся пол.

– Я сейчас. У меня здесь кое-что есть. – Александр зашевелился и куда-то отполз. Вскоре на Генино лицо закапала живительная влага, а на лоб ему легла мокрая, возвращающая к жизни тряпка. Яблочкин облегченно вздохнул и снова открыл глаза. Плена не была уже такая плотная, и Гена увидел, что они находятся в грузовике, до половины затянутом брезентом, а на темнеющем небе появились первые звезды. Яблочкин вопросительно взглянул на Шустова.

– Да, мы в машине – заметив в глазах немой вопрос, сказал Александр. – Ты когда из землянки выскочил, я, как крот за тобой на ощупь полез. Старый стал, глаза и так болят, а тут еще закат прямо в лицо. Помню я из этой норы высунулся, как меня тут же скрутили. Когда немного оклемался, смотрю, а над тобой эта рыжая падла и двое каких-то мужиков. Они о чем-то оживленно спорили. Я не особо прислушивался, потому, как думал, что тебе хана, и прикидывал, как бы это свалить оттуда, да скорую вызвать, но тут Рыжий наклонился над тобой и говорит: «Все нормально. Жив он. Через пару часов оклемается, будет как огурчик. Ну так что берете?» Тут они опять принялись спорить. Я прислушался, и меня аж подбросило. Рыжий нас продавал в рабство, а спор шел лишь о цене. Вскоре они ударили по рукам, один

из них, тьфу, теперь их даже мужиками называть противно, подогнал машину. И вот. – он широко развел руками.

Гена еще раз оббежал глазами кузов грузовика, вздохнул и прикрыл веки. Его немного подташнивало.

Вскоре машина с асфальта съехала на проселочную дорогу, и их затрясло еще больше. От этого у Яблочкина голова разболелась еще сильнее, и он то и дело терял сознание. Наконец грузовик остановился.

– Эй, бомжара! Тащи к борту своего приятеля – раздался властный голос одного из рабовладельцев. – Он еще не сдох?

– Со мной все в порядке. – Собрав всю силу воли в кулак, ответил Гена и с помощью Шустрика встал на ноги.

– Значит, не обманул Колян. Это хорошо – довольно хмыкнули у машины, и уже строго добавил – тогда че, рас-селись. А ну, быстро сюда!

Яблочкин, стиснув зубы, чтобы не застонать, спрыгнул на землю. Рядом приземлился Александр. Стоя у машины, гена с хрустом потянулся и незаметно огляделся. Они находились возле будки. Что было за ней, скрывала темнота ночи. Двое здоровенных детины, ухмыляясь, подошли к ним. Один вертел в руках милицейский «демократизатор».

– Короче. Теперь вы будете жить здесь. – говоривший ткнул дубинкой в направлении будки. Все остальное узнаете завтра. Андрюха! – позвал он и из темноты вынырнул худенький парнишка чуть моложе Гены.

– Принимай постояльцев. Покажи им их логова и завтра

подъем как обычно.

Паренек что-то буркнул и подошел, к вновь, прибывшим, поближе.

Гена внимательно осмотрел их будущего надзирателя.

Парню, действительно, было чуть больше двадцати, с черными непослушными волосами и светло-кариими глазами. Потертые джинсы и рубашка не скрывали, а скорее подчеркивали его болезненную худобу.

– Все мы поехали. С этих глаз не спускай. Впрочем, мне тебя не учить.

Парнишка кивнул головой и достал из кармана пистолет. Когда машина отъехала, он махнул стволом в сторону будки, и заикаясь сказал: Д-д-давайте т-т-туда.

На полу их нового жилища лежали два порванных матраца с грязными армейскими одеялами, несколько алюминиевых мисок и ложек, которые зазвенели под ногами вошедших.

– С-с-спите. З-з-завтра рано вставать. – Парень вышел из будки взялся за дверь, чтобы ее закрыть.

– Э-э, постой. – Остановил его Гена. – А туалет здесь где?

– В-в-езде, но только д-д-днем.

Дверь закрылась. Было слышно, как этот юный надзиратель с минуту повозился с замком, потом ушел.

– Да-а, знаешь, Сань. Что-то мне эта гостиница нравится. Администратор какой-то не очень приветливый. – свежий воздух и довольно прохладная ночь приведи Яблочкм-

на в чувства. Тошнота прошла, головная боль из острой перешла в тупую, ноющую и сонливость как рукой сняло. Он опустился на один из матрасов и приложился затылком к холодной, слегка влажной стене.

– Ой, как хорошо – выдохнул Гена. – Интересно, чем нам здесь придется заниматься? Как ты думаешь Шарапов?

– Разведением капусты и свеклы.

– С чего ты взял?

– А ты принюхайся. Здесь такой запах капусты стоит, будто сам в ней сидишь.

– А свекла?

– У стены, слева от входа, несколько ящиков стоят.

– А говоришь «старый, глаза болят». Да ты, я так понял, в темноте видишь лучше, чем кое-кто при свете.

– Нет, просто на них лунный свет падал. Ген, что делать будем?

– Спать. Устал я что-то, да и голова болит. Завтра посмотрим. – Яблочкин зевнул и лег. Александр еще немного посидел, глядя куда-то в темноту, и тоже лег.

– Блин, курить охота, аж уши пухнут – вздохнул он.

– Не трави душу – проворчал Гена и отвернулся к стене.

Утро еще не успело погасить все звезды, как дверь распахнулась и в проеме показалась фигура надзирателя.

– П-подъем! Х-хватит валяться – прокричал он, вертя в руке вместо пистолета внушительную дубинку.

– А где наш утренний кофе? – сонно потягиваясь, спросил

Гена.

Парень в два прыжка оказался возле Яблочкина и не размахиваясь, опустил дубинку на его плече. Затем резко повернулся в сторону Шустрика.

– Нет мне бы сигарету.

Удар пришелся ему по спине.

– Очень уж крепкий у них кофе – проговорил Гена, потирая ушибленное место. – Думаю, нужно ограничиться чаем. Когда они выбрались из своей «ночлежки», над окрестностями висел плотный туман.

– С-с-сегодня капуста – Андрей объяснял распорядок дня и одновременно пристегивал к ногам своих подопечных железные обручи с цепью, на конце которой висела двадцати четырех килограммовая гиря – С-с-собрать гусениц, прополоть, полить. В-ведра с-сдесь – указал он за угол. – В-вода там, в с-сажелке. Обед, когда поз-зову.

– А это зачем? Чтобы бабочек отгонять? – спросил Гена, вертя в руке гирию.

–М-марш в поле – вместо ответа скомандовал парень и замахнулся.

Первых три шага эта работа не казалась уж такой утомительной, но чем выше поднималось солнц, тем все тяжелее и тяжелее становилось узникам. Ныла от постоянных наклонов спина, болели ноги, вдобавок к этому, у Яблочкина из-за того, что солнце пекло на зажившую рану, мутило в голове. Да и то, что они увидели, когда рассеялся туман, не вселяло

в них надежду на скорое освобождение. Вокруг, на сколько хватало глаз, простиралось поле, засеянное капустой и свеклой.

– Блин, почему капуста не растет на дереве? – спросил сам себя Яблочкин, спотыкаясь, бредя по борозде.

– Ген, что делать будем? – шепотом спросил Шустрик, косясь на не выпускающего их из поля зрения, паренька.

– Работать и присматриваться, а вечером подумаем – также тихо ответил Яблочкин.

Когда солнце достигло зенита, узники услышали за спиной крик надзирателя:

– Эй, ид-дите ж-жрать!

У будки на земле стояли две миски баланды из полусваренных капусты и свеклы.

– Интересно, если бы здесь росли апельсины, они бы и их нам сварили? – опуская ложку в эту бурду, спросил Гена.

– Слышь, сынок, а хлеба нет? – обернулся Шустрик к надзирателю и тут же получил чувствительный удар дубинкой по спине. Надзиратель, замахнулся было и на Яблочкина, но тот вогнул голову в плечи и поспешно сказал: Спасибо мы с Саней один на двоих съедим.

Эта реплика вызвала первую улыбку за этот день на лице парня-надсмотрщика, что никак не вязалось с тем ремеслом, которым занимался этот юноша. По-видимому, зная, это он быстро отвернулся и отошел от узников.

– Интересно, как здесь очутился наш конвоир? Добро-

вольно или как мы? – спросил Яблочкин Шустрика, но ответом ему была тишина. Гена взглянул на товарища, и рука его с ложкой повисла в воздухе. Александр сидел, отрешенно глядя куда-то вдаль, на его заросших щетиной щеках, играла улыбка.

– Са-ань. Я здесь. Что вспомнил веселого? – тихо позвал его Гена. Шустрик дернулся, опустил голову, и стал быстро, быстро черпать ложкой баланду.

Когда тарелки были пусты, конвоир снова подошел к узникам.

– П-п-поели? М-марш на работу!

– А покурить? – просяще поглядел на него Гена, и тут же получил болезненный удар дубинкой по плечу.

– Такая сигарета не то, что лошадь, слона свалить может. Пора избавляться от вредных привычек – пробормотал Яблочкин, потирая свежий синяк. Шустрик же молча поднялся, и взяв свою гирию, пошел в поле. Гена последовал за ним.

– Саня! Ты не заметил, где этот паренек ночует? Ведь кругом ни одного строения.

– Напротив нашей будки есть землянка – буркнул в ответ Шустрик.

– Вот глазистый, а я как-то не заметил. – Гена оглянулся и тут же встретился взглядом с идущим, чуть поодаль, парнем.

– Андрей, кажется тебя так величают. А чьи это владения?

– Р-работать, не раз-зговаривать! – грозно прикрикнул он и взмахнул дубинкой.

– Ох, и мучается, наверное, этот мужик с таким именем. – вздохнул Яблочкин и стал поливать уже практически созревшую капусту.

Когда солнце стало клониться к закату, узники чуть передвигали ноги от усталости. Спины ломило от постоянных наклонов, пальцы рук сводило судорогой, в голове от жары стоял не прекращающийся гул, а гири на ногах казались уже не подъемными. Бредя по полю в этом полуобмарочном состоянии, Гена тихо запел: «Он качает головой, смотрит в пустоту. Старый клен совсем седой, обронил листву».

– Вот так, наверное, и мы словно желтые листья, ветер злой нас оборвет – также тихо подхватил песню Шустрик, и уже дуэтом продолжили: «И умчит нас в никуда, лишь останется стоять этот старый седой клен».

Юный надсмотрщик, хотел было, прикрикнуть на них, но песня что-то тронула в его сердце, и он вместо этого подошел поближе.

– «Дождик песню затянул про былые дни. – продолжал Яблочкин. – В старом парке никого только мы одни. – И уже вдвоем довольно громко закончили. – Здесь только я и старый клен и наверно слышит он как кричит моя душа. Ветер злой остановись, не срывай последний лист, потому что это я».

К концу песни усталость, будто испугавшись, отступила, спины выпрямились, а прикованные к ногам гири почти не чувствовались.

– Н-н-на с-сегодня х-х-хватит – сказал странник, и в его голосе проскользнула нотка сочувствия.

– Хватит петь? – не понял его Яблочкин.

– Р-р-работа! М-м-марш к б-будке.

Усталые они чуть дотащились до своего жилища, и упали на землю у самого входа. Тут же как и днем стояли две миски такой же баланды.

– Слышь, Сань – с трудом пристраивая тарелку у себя на коленях, сказал Яблочкин. – А ведь парень-то от нас целый день не отходил от нас ни на шаг.

– Ну.

– А кто тогда эту бурду готовил и сюда притащил?

Шустрик закашлялся, и удивленно взглянул на Гену.

– Правильно. Значит, пацан здесь не один. Интересно только узнать с кем. С женой, с напарником или еще с кем?

– А тебе не пофиг? – Шустрик отставил в сторону пустую тарелку и прислонился к стене. – Давай лучше думать, как линиять отсюда. А то при такой работе и хавчике мы через месяц кони двинем.

– Ну, месяц на этой фазенде я прохлаждаться не собираюсь. У меня через неделю сессия. А вот как сбежать?

Гена замолчал и привалившись к стене стал наблюдать за быстро прячущемся в капусте солнце.

– Ты что замолчал? – Александр, чуть повернув голову, взглянул на Яблочкина.

– Могу спеть – улыбнулся каким-то своим мыслям Гена и

запел: «Тихий вечер, грусти полный, о тебе одной напомним. Ты любима, ты желанна, Света, Сеточка, Светлана».

– Да-а-а. Эх. Где же ты теперь моя Светик?! – тяжело вздохнул Шустрик.

– Что? Какой цветик? – не расслышал Яблочкин.

– Светик. Жену мою так звали. Светлана.

– Ты мне никогда не говорил, что был женат.

– Я многого тебе не говорил. Все у меня было и семья, и работа.

– дети были?

– Сын, Андрюшка. – Александр поднял глаза к звездам и улыбнулся. – Славный такой карапуз. А любопытный. Ходить еще не умел, а заползет куда, сразу и не найдешь. Мы тогда в двушке на Ленина жили.

– Давно расстались?

– Малому лет пять было. Всем хорош мальчишка, но... –

Шустрик запнулся и замолчал.

– Случилось с ним что? – встревоженно спросил Гена.

– Нет – Шустрик в сердцах махнул рукой – Просто, блин, курить охота спасу нет.

– Не отвлекайся. К тому же ты сам видел, что местные сигареты убивать не убивают, но покалечить могут здорово. Так что там с сынишкой?

– Говорил он очень плохо. Почти совсем не разговаривал. Мы уже хотели его в Москву везти в специальную клинику как... – он опять замолчал, и устало прикрыл глаза. Гена его

больше не торопил. Он молча сидел, прислонившись к стене, и наблюдал, как в сгущающихся сумерках из землянки вышел парень и примостился неподалеку.

–...Молодой я тогда был, глупый. – Продолжил свой рассказ шустрик. – Компании любил, выпить. Вот на одной из таких пирушек и познакомился с Людой Шалова, еще та. Чтоб ей всю жизнь с ежиками спать. Короче, ушел я из семьи. А дальше понеслось, поехало. Пьянки, гулянки, работу бросил. Все, что имел, на водку променял. Ну и в итоге, попал я за кражу на три года в места не столь отдаленные. Когда вышел, естественно, ни Люды, ни друзей, никого. Только Светик, вот уже где золотой человек. Пока я был там, поменяла квартиру на две однокомнатные. Эту, в которой я теперь, оставила мне, а сама с сыном куда-то съехала.

– Найти не пробовал?

Шустрик лишь молча махнул рукой.

Они еще немного посидели, глядя на темное, усыпанное бриллиантами небо и побрели спать.

Утро их подняло все тем же окриком.

– П-п-подъем! Хватит валяться!

Яблочкин открыл глаза и зевнул. – Андрюха. Че ты так рано нас поднимаешь? Еще, наверное и шести нет? Дай хоть умыться, что ли?

В ответ посыпались удары дубинкой.

– Вот никогда бы не подумал, что меня за глоток воды бить будут. – Закрывая одной рукой затянувшуюся рану, а

другой подхватив гирию, пробормотал Гена, и выскочил из будки. Сзади, крихтя и ругаясь, толкал его Шустрик. Когда они выскочили на пропитанный туманом воздух. Парень распорядился.

– С-с-сегодня свекла. Н-надо п-прополоть.

– Чем? – Шустрик огляделся.

– Р-р-руками – и очередная порция ударов прошла по их спинам.

– Свежий синяк – лучшее начало дня – пробормотал Александр, почесывая то место, на которое опустилась дубинка.

– Вот, вот, собери пять синяков и получи сломанное ребро в подарок. – Поддержал его Яблочкин, и они, взяв гири, пошли к свекольному полю.

До самого полудня узники ползали по полю, выдергивая сорняки. Погода в это день тоже была не на их стороне. То нестерпимо жарило солнце, то набегали небольшие тучи и проливались коротким, но сильным дождем, который превращал землю в тягучую, вязкую грязь. Да и молодой охранник, постоянно находившийся рядом, пресекал взмахом дубинки всякие попытки отдохнуть.

Наконец, после очередного природного душа раздалась долгожданная команда: «И-идите жрать!»

Грязные, усталые узники подошли к будке и взяли стоящие на земле миски со вчерашней бурдой из капусты и свеклы, к тому же еще щедро разбавленной дождевой водой.

– Да-а. Разнообразием меню нас не балуют. – горько вздохнул Яблочкин, гоняя по тарелке капустный листок. – Хотя и на том спасибо, что хоть что-то дают. – Он еще раз вздохнул и пошел внутрь. Шустрик молча отправился за ним.

– Так сколько лет, ты говоришь, прошло с тех пор, как вы с женой расстались? – спросил Гена своего приятеля, когда уже заканчивал скорее питье, чем еду.

– А тебе какое дело? И вообще, что ты прицепился к моему прошлому? – вдруг взорвался Александр и отбросил в сторону миску, расплескав на матрац остатки баланды.

– Да, ладно, Сань. Я же просто так спросил. Что ты разнервничался? – успокаивающим тоном сказал Гена, удивленно глядя на товарища.

– Ты лучше думай как нам бежать отсюда, а не о моем прошлом спрашивай. – Шустрик вскочил и стал нервно отряхивать с себя прилипшую грязь. – А то ведь еще пару тройку таких дней, и у меня либо башню сорвет, либо коньки отброшу. Старый я и больной для таких физических упражнений.

– Ну, ну, успокойся. Думаю я, думаю – как можно мягче ответил Яблочкин. – Так, когда разошлись?

Шустрик с минуту глядел на Гену широко открытыми глазами, и было видно, как на его лице играли скулы. Потом он опустил голову и беззвучно зашевелил губами.

– Шестнадцать лет назад – наконец он выдавил из себя и не дожидаясь команды, вышел из будки. Яблочкин поднялся

следом. Тут же из землянки выскочил их охранник, держа в руке пистолет.

– Все нормально, Андрюха. Мы уже идем работать – заметив его настороженный взгляд, сказал Гена, и жестом, подождав его поближе, добавил. – Не поверишь, но мы так любим осот рвать, что прям сил нет, кажется бы, так рвал и рвал. Но это, только кажется – он притворно вздохнул и опустил голову, внимательно следя за реакцией охранника.

Тот слушал весь подобрившись, и готовый ко всем неожиданностям, но после последних слов он расслабился и на губах его заиграла все та же улыбка. Гена удовлетворенно кивнул и пошел догонять Шустрика.

Не успели они приступить к работе, как до их слуха донесся гул машины.

– Ого, Сань. А здесь оказывается транспорт ходит. – прислушиваясь к нарастающему рокоту, сказал Яблочкин.

Шустрик выпрямился, и взгляделся в сторону приближающейся машины.

– Это не транспорт, это катафалк за нами едет – грустно вздохнул он и снова опустился на корточки.

Яблочкин поднялся из борозды.

– Катафалк – это громко сказано, но все же, мало хорошего она везет.

Вскоре, на половину покрытый брезентом грузовик, остановился у землянки. Из него выпрыгнули старые знакомые парни и знаком подозвали к себе охранника. Объяснив, что нуж-

но ему делать, приезжие забрались в кабину, а юный надзиратель пошел к узникам.

– К-к-кончай прополку. К-к-капусту г-грузить н-надо.

Гена выпрямился и стряхнул с пальцев прилипшую грязь.

– Целую машину? Так мы ее до утра грузить будем.

– Б-бегом я с-с-сказал! – замахнулся на него дубинкой охранник.

Яблочкин с Шустовым подхватили свои гири, и ускоряя шаг, под градом довольно чувствительных ударов, пошли к капустному полю. Проходя мимо машины, их остановил один из приехавших рабовладельцев. Он высунулся из окна машины, и ударяя по стеклу наружных часов, сказал. – Значит так, черви навозные. Сейчас четырнадцать тридцать, чтобы к семнадцати машина была полная. За каждую лишнюю минуту накажу.

– А если уложимся? – спросил Шустрик, и взяв в руку гирию, приготовился бежать за капустой.

– Останетесь не поврежденными – приезжий громко заржал, и вдруг, оборвав смех, рявкнул. – Бегом!

Эти два с половиной часа были самыми длинными и самыми мучительными в их жизни. Под свист дубинки Яблочкин с Шустриком вырывали прямо с корнем из земли капусту, и бежали с гирями на ногах метров двадцать, отделявших машину от поля. Но чем дальше шло время, чем больше они уставали, тем все длиннее становился путь. Первым выбился из сил Шустрик. Он стал двигаться все медленнее

и медленнее. Лицо его стало бордово-красным, рубашка вся взмокла от пота, а язык, как у гончей собаки, вывалился наружу.

– Пить, пить, пить – не переставая шептал он, шатаясь и спотыкаясь даже на ровном месте.

Глядя на него, у Гены от жалости сжималось сердце, но он ничем не мог помочь другу. Единственное, что он мог сделать, это работать за двоих, чтобы уберечь Шустова от наказания. И он старался. Пусть ему было не менее тяжело, пусть перед глазами все расплывалось от струящегося ручьем пота, пусть ноги подкашивались и цеплялись друг за друга. Гена почти на автомате бежал на поле, хватал сколько мог унести Качанов, и шатаясь мчался к машине.

Не вероятно, но к назначенному сроку машина была загружена. Без одной минуты пять Яблочкин забросил в кузов последнюю партию капусты и без сил привалился к борту.

– Ты, смотри, уложились – удивленно присвистнул приехавший, заглядывая в кузов. – Так и быть живи. А где второй? – рабовладелец оглянулся и увидел как охранник, пытаясь поднять, потерявшего, на пол дороги, сознание Шустрика.

– Что ты возишься с этой падалью?! – гневно вскрикнул он и в два прыжка оказался рядом с ними. Оттолкнув парнишку, рабовладелец изо всех сил стал избивать ногами, обутыми в тяжелые ботинки, лежащего без движения Александра. Через пять минут он устало отошел от бесчувствен-

ного тела. – Значит так. – сказал рабовладелец охраннику, садясь в машину. – Если тот здохнет, зароешь его, где обычно. Этот – он кивнул на Яблочкина, склонившегося над другом – пусть работает дальше. Следи за ним в оба. Все мы поехали.

Машина сорвалась с места и затряслась по, еле видимой, колее. Яблочкин вытер своей рубашкой кровь с лица Шустрика, потом приложил свои пальцы к его запястью. В это время к ним подошел охранник. Гена повернулся к нему и командовал – Андрюха, а ну живо зови сюда свою мать.

На лице парня появилось удивленное выражение.

– Я сказал, бегом зови! Пусть прихватит с собой нашатырный спирт, йод, зеленку, короче тащите сюда аптечку и воду. Ну, живо!

Андрей еще с секунду поколебался, а затем развернулся и бросился в землянку. Через пять минут из нее вышла худенькая, невысокого роста женщина с бледным, осунувшимся лицом и густыми черными волосами, в которых уже проступила седина. Она несла коробку со всевозможными лекарствами и бинтами, а позади нее Андрюха нес чайник и полотенце.

При ее появлении Яблочкин поднялся и уступил свое место. Женщина, молча взглянула на него, и не говоря ни слова, склонилась над Шустриком. Осторожно промыв раны водой, она поднесла к его носу ватку с нашатырным спиртом. Александр дернулся, застонал и открыл глаза.

– Пить. – прошептал он пересохшими губами.

Андрей подал воду ему прямо в чайнике, и Шустрик, чуть приподнявшись, жадно припал к его носику.

Через полчаса, обработанного йодом и забинтованного Александра, отнесли на матрац. Сжалившись, охранник даже отстегнул от его ноги тяжелую гирию и разрешил Гене остаться при больном, а не идти в поле.

Когда женщина собиралась уходить, Шустрик снова открыл глаза и тихо прошептал. – Светик, не уходи. Я так долго тебя искал.

Коробка с лекарствами упала на земляной пол, и баночки, весело звеня, раскатились по комнате. А женщина стала над Шустовым и беззвучно шевелила губами.

– Александр? Саша?! Сашенька! – наконец вскрикнула она и упав на колени, положила голову ему на грудь и разрыдалась. Андрей недоуменно переводил взгляд с матери на Гену и обратно.

– Да, парень. Жизнь это брат такая штука. По круче любого детектива будет. – Яблочкин похлопал по плечу ничего не понимающего парня. – Подойди ближе. Не бойся. Это твой отец.

Подтолкнув парня к улыбающейся сквозь слезы, матери. Гена подхватил свою гирию и вышел из будки.

Через час они все вместе сидели рядом с Александром, пили травяной чай и рассказывали друг о друге. Во время разговора с разбитых губ Шустрика не сходила радостная

улыбка, а с глаз, то и дело, выкатывались скучные слезы. Яблочкин в двух словах описал тяжелую жизнь Александра. Светлана сочувственно вздыхала и нежно гладила волосы своего бывшего мужа. Но, вот, Гена замолчал, и женщина грустно посмотрела на него.

– До тех пор, пока Сашеньку не посадили, я все ждала, что он вернется, – начала она свой рассказ. – Но потом познакомилась с одним, на вид, очень приличным человеком. Он то и подбил меня на развод и обмен квартиры. Уверяя, что хочет на мне жениться. Ну, я, дура, и согласилась. Потом он стал уговаривать продать свою квартиру, чтобы уехать из города и купить дом в деревне. Я всегда хотела жить в деревне, правда Сань?

Александр нежно взглянул на нее и чуть заметно кивнул.

– Ну вот, когда я все сделала, этот гад забрал деньги, отвез нас с сыном в какой-то сарай, недалеко отсюда и скрылся. Там мы и ютились все это время. Я на ферме работала, а Андрюшка пастухом был. А год назад он на это поле набрел. Здесь его эти изверги в оборот-то и взяли. Сначала избили как Сашеньку, а потом пригрозили, что если на них работать не будет, то и до меня доберутся. С тех пор он здесь и мучается. А я к нему тайком перебралась. Они даже не знают, что мы вместе.

– Как же это они тебе оружие доверили? – удивленно спросил Гена, кивнув на оттягивающий карман, пистолет. Андрей усмехнулся, достал оружие и бросил ему на колени.

Это была игрушка.

– Ха. Ловко... – Яблочкин повертел в руках пластмассовый пистолет и вернул его обратно. – А не думали бежать отсюда?

– Куда? Документы наши у них, денег нет, жилья тоже, родственников никого. Куда бежать-то?

– Да. Кстати. Сань, документы твои при тебе? – Гена вопросительно поглядел на Шустрика, одновременно ошупывая свои карманы. Александр отрицательно покачал головой и с трудом выговорил: – Они забрали и твои тоже.

– Ясно. – Гена хлопнул себя ладонями по коленям и поднялся. – Значит так. Завтра мы отсюда уходим. Возражения есть?

– Куда? – обреченно вздохнула Светлана.

– Пока ко мне, а там будем искать этих ублюдков. Саша, ты к завтраму сможешь подняться?

– Переломов вроде нет. Думаю завтра сможет ходить. – ответила за него жена.

– Вот и отлично. Тогда оставайтесь здесь, а я в ваше берлогу переберусь. Вам, думаю, есть о чем поговорить. Андрей. Да, сними, наконец с меня эти кандалы! А то как я с таким противовесом домой заявлюсь?

Когда с ноги Яблочкина была снята цепь, он потянулся, пожелал всем приятного вечера, и вышел на воздух.

– Горько! Горько! Горько! – дружно закричали гости, и

невеста медленно, словно нехотя, поднялась из-за стола, выталкивая за собой красного от смущения жениха. Их поцелуй, скорее символический, чем нежный, закончился, едва начавшись, и они вновь вернулись к своим рюмкам. Пржевав порцию салата, с очередным тостом встал Яблочкин. Он оглядел небогатый праздничный стол, за которым сидели Шустов с семьей, он с Таней и трое малознакомых ему мужчин из пустыря, и повернулся в сторону молодых.

– Зоя и Ист..., прошу прощения, Николай. Я хочу поднять этот тост за вас. За то, что вы, – он еще раз обвел взглядом всех сидящих, задержался на Тане и вернулся к новобрачным. – И не только вы, все мы, избавились наконец от этого кошмара под названием...

– Рыжий! – воскликнул кто-то.

– Я хотел сказать – бездомность, – недовольно поморщился Гена. – Но, у каждого свои кошмары. А вы, вдобавок к этому, обрели еще и друг друга. Живите счастливо, и пусть вся та страшная жизнь останется в прошлом. За новобрачных!

Гости одобрительно зашумели, и в комнате раздался звон разнокалиберной посуды. Когда тосты за молодых закончились, а голод с большего утолен, за столом завязался разговор. Причем говорили почти все одновременно. Лишь только Александр, так за весь вечер и не притронувшись к спиртному, сидел молча, и с легкой, счастливой улыбкой оглядывал гостей.левой рукой он то и дело нащупывал ладонь же-

ны и несильно сжимал ее своими крепкими пальцами. Другой рукой изредка поправлял волосы на голове у сына.

– Яблочкину за все низкий поклон. Если бы не он, гнили бы мы до сих пор на пустыре! – выкрикнул один из гостей.

– Правильно! Он меня и от фермеров увез, – поддержал его уже слегка захмелевший Историк.

– Точно. А Шустрик этих козлов из моей квартиры вытурил, – Зоин визгливый голос на секунду заглушил все голоса.

– Саня вообще молодец. Без него я бы один ничего бы и не сделал, – сказал Яблочкин и обнял за плечи Таню.

После того, как каждый высказал слова благодарности и восторга, большую часть из которых получил Гена, разговор перетек в более спокойное русло.

– Слыхали? Фомина посадили, – сказал один из гостей, морщась после очередных сто грамм.

– Раскрутили все-таки его делишки, – облегченно вздохнул Яблочкин.

– Не-а. Кажись за взятки.

– Какие взятки, он же из ментовки уволился?

– Ну. Ты думаешь, он на стройку пошел, кайлом махать.

Шиш. Устроился в ГАИ инспектором и погорел.

– Да. Не повезло бедняге, – сочувственно покачал головой Яблочкин. – От судьбы даже полосатая волшебная палочка не спасет. А про Рыжего что-нибудь слышно?

За столом на миг воцарилась тишина.

– Не-ет, – осторожно, чтобы не спугнуть это хрупкое сча-

стье, протянул Историк. – Как тогда от тебя стартанул, так больше никто и не видел.

–Как же, не видели, – охрипшим голосом вдруг выпалила Зоя.

Она опрокинула в рот рюмку водки, хрустнула огурцом и только после этого добавила.

– Заходил сюда пару дней назад. Ты в это время ходил тару сдавать, – пояснила она ошарашенному мужу. – Пришел, пожрать попросил. Потом уговаривал, чтобы с ним пошла, мол, скоро у него бабок будет немеренно. Золотом меня осыплет, а когда я его послала, грозить стал, ругаться, даже пытался, как обычно, руку на меня поднять, но я его быстро осадила. Короче, свалил он отсюда злой, как собака. Сказал на последок, что когда узнаю от чего отказалась, сама к нему на брюхе приползу. И еще добавил, что ты, Гена, удавишься.

– Мне прямо сейчас за веревкой идти или можно доесть картошку? – спросил Яблочкин, хотя в душе у него шевельнулась какая-то тревога.

Поговорив еще о том да сем, гости решили устроить перекур, и дружно вышли из квартиры на лестничную клетку. Яблочкин покинул стол последним, помогая женщинам разобраться с грязной посудой. Он подошел к стоящему чуть в стороне от всех Александру, прикурил у него и, стараясь придать тону оттенок безразличия спросил:

– Что ты обо всем этом думаешь?

–По-моему, пьянка удалась, – глядя в грязное окно, спо-

койно ответил Шустров.

– Я не о том.

– Знаю, но о другом мне говорить просто не хочется. – Александр вдруг повернулся и взглянул Геннадию прямо в глаза. – Ну чего ты так всполошился? Короля свергли с трона, выдворили из страны, вот он и мечется. Хочет напоследок хоть как-то о себе заявить, напомнить так сказать. Все в порядке, Ген, все хорошо. Лучше расскажи как ты? Сколько мы не виделись? Пол года?

– Чуть больше, с осени.

– Вот. А разговоры у нас такие будто вчера расстались. Все об одном и том же. Учишься?

– Да, учусь, работаю. Вот, Танюшу все в ЗАНС зову. Пока безрезультатно. Яблочкин обернулся на скрип открывшейся двери и улыбнулся вышедшей из квартиры девушке.

– А мы тут как раз о тебе говорим, точнее о нас.

– И что, ты уже успел Александру наябедничать?

Таня всем телом прижалась к Гениной спине и легонько чмокнула его в мочку уха.

– Жалуюсь, что замуж за меня не идешь.

– Ген. Мы же договорились. Вот закончишь институт, тогда посмотрим, – Таня вышла из-за спины и стала рядом, держа милого за руку.

– А у Вас как дела, Александр Петрович? – сорвала она с языка Генин вопрос.

– Спасибо. Потихоньку налаживаются. На работу устро-

ился, пока на стройку, а там видно будет. Ремонт сделали. Андрюшку на водительские курсы определили. В общем, жизнь продолжается.

Дверь квартиры снова отворилась, и на пороге появился раскрасневшийся жених. Он немного помолчал и сделал рукой жест приглашающий всех внутрь. Видя, что его так не понимают, застенчиво сказал:

– Ну, вы, это. Пошли что ли. Там еще осталось.

– Коля. Будешь у меня на свадьбе тамадой? Мне нравится, как ты гостей уговариваешь. Видишь, никто тебе отказать не смог, – смеясь, сказал Яблочкин.

Историк еще больше покраснел и скрылся за дверью.

– Сань. Ты телефоном случайно не обзавелся? – повернулся Гена к Шустрику, когда они уже поднимались по лестнице.

– Есть, конечно.

– А почему его нет у меня? – Яблочкин даже приостановился от возмущения.

– Как нет? – Александр сделал удивленные глаза. – Неужели ты его разбил?

– Смешно. Номер почему свой не даешь?

– Так ты не спрашиваешь.

– Нет, Тань, ты посмотри на него. А он говорит еще, что был аналитиком. Сам догадаться не мог?

– Мог. Вот, держи. – Александр достал из кармана бумажку с написанным на ней номером и протянул Гене. – Я ее еще

дома приготовил, когда узнал, что и ты здесь будешь. Звони, если что.

Гена удивленно повертел в руках листок, взглянул на Шустрика и спрятал номер в карман джинсов.

– Знаешь, Танюша, аналитика – это все-таки великая вещь.

Девушка прыснула со смеху и они обнявшись вошли в квартиру.

Старенькое «Вольво» везла седоков по отходящему ко сну городу, ощупывая светом фар сырые от весенней влаги кирпичные бока зданий.

– Наконец-то я сейчас буду дома, – после долгого молчания произнесла Таня, не отрывая глаз от дороги.

– Тебя тяготит это общество? – сквозь дремоту спросил Гена, удобно расположившись на заднем сиденье.

– Не то чтобы тяготит, нет. Просто, – Таня немного помедлила, чтобы подобрать нужные слова. – Вся эта свадьба. Невеста. Жених. Больше похоже на пародию, чем на настоящее торжество. Извини, но я привыкла бывать в других компаниях.

Гена открыл глаз и внимательно посмотрел на девичий затылок:

– Не забывай, дорогая, что я тоже несколько лет был одним из них.

– Как же, забудешь. – Таня глубоко вздохнула. – Но ведь у тебя, у Александра все уже кончилось. А у остальных?

– И у них наладится. Дай только срок. Им просто надо чуть-чуть помочь, и они снова станут ячейкой нашего общества.

– Если захотят, – и Таня скорее почувствовала, чем услышала, как Гена пожал плечами.

– Слушай. Мы сколько с тобой вместе живем? – вдруг спросила девушка.

– Уже полтора года, – настороженно ответил Яблочкин.

– А в деревню ко мне ты так и не удосужился съездить.

– У тебя есть дача? – Гена даже привстал от неожиданной новости.

– Скажем, домик, доставшийся нам от маминых родителей. Я, правда, тоже о нем за это время так ни разу и не вспомнила, а раньше мы с отцом частенько туда приезжали, но он очень любил сельскую жизнь. Копаться в земле, сажать деревья, косить, селекцией увлекался. Все прививал что-то, то к яблоне, то к сливе, то еще куда.

– А ежа с осотом скрещивать не пробовал?

– Кажется, нет. А зачем это? – девушка на миг обернулась и взглянула на Гену.

– Чтобы сорняки с огорода сами сваливали.

– Да ну тебя. Дурак, – обиделась Таня.

– Танюшка, я пошутил, ну прости меня, – засюсюкал Яблочкин и, подкравшись, поцеловал ее в затылок.

– Ладно, что с тебя взять, когда ты комбайн только по телевизору видел, – примирительно сказала Таня.

– Не только, еще и в журнале, на фотографии. Красный такой, большой, с брансбойтом на крыше.

– Каким брансбойтом? – обернулась девушка и удивленно взглянула на Гену.

– Ой, нет, извини, это была, кажется, пожарная машина, – улыбаясь, ответил Яблочкин, и закрыл голову руками, ожидая удара, но его не последовало. Когда Гена выглянул из своего укрытия, то снова увидел девичий затылок.

– Тань. Ты сердисься? – осторожно спросил он.

– Нет. Мы уже приехали.

Тормоза глухо пискнули, и машина остановилась у неосвещенного подъезда.

– Опять кто-то лампочку свиснул, – проворчала Таня, выходя из машины.

– Я знаю, кто это сделал, – заговорческим тоном сказал Гена.

– Кто? – девушка даже чуть подалась вперед от любопытства.

– Заклинатель лампочек. Он их засвистывает до смерти.

– Идиот, – выдохнула Таня и обиженно зацокала каблучками по ступенькам.

Зайдя в квартиру, Гена не зажигая свет, обнял девушку и привлек к себе.

– Не сейчас, – шепотом запротестовала она, впрочем, не делая особых попыток вырваться из объятий. – Можно я вначале душ приму, а то от меня несет, как от моренного коня.

– А я не чувствую, – произнес Гена, осыпая лицо девушки поцелуями.

– Зато я чувствую! – Таня, наконец, вывернулась из его рук и щелкнула выключателем.

Перед их взором предстала перевернутая вверх дном прихожая.

– Вот те раз, – выдохнул Гена и, отстранив остолбеневшую девушку, прошел в комнату.

Зажегшаяся люстра осветила там еще больший бардак. Все полки из секции были вынуты, а их содержимое валялось на полу. Там же находились и книги из стенного шкафа. Постельное белье, вынутое из внутренностей тахты, разлетелось по всей комнате, все картины и репродукции со стен были сорваны, и валялись на полу среди бумаг. Телевизор спасло от смерти только то, что он уткнулся экраном в подушку, и беспомощно смотрел на хозяина антенным гнездом. Гена сделал шаг вперед, и под его ногой захрустели осколки сервиза.

– Может здесь проходил бегемот? Нет. Может здесь побывал слон? Нет. Просто к нам заходил Сережка, и мы с ним поиграли немножко.

– Что ты там бормочешь? – спросила Таня подходя я Яблочкину, осторожно переступая через горы одежды, выброшенной из шкафа.

– Да это я так. Пытаюсь понять, что за стихийное бедствие пронеслось над отдельно взятой квартирой.

– Ну, а?

– Здесь явно кто-то что-то искал.

– Вы на редкость проникательны, мистер Пинкертон! – голос девушки звучал на самой высокой ноте, глаза были полны слез, а сама она была почти в истерике.

Гена обнял ее за плечи и успокаивающе прошептал.

– Ну, перестань, все будет хорошо. Сейчас вызовем милицию, и она быстро найдет, кто это сделал. А до ее приезда давай пока ничего не трогать. Хорошо?

Таня всхлипнула, утерла носовым платком глаза и согласнo кивнула. Они вместе пробрались на кухню, где разгром был не таким страшным и Гена набрал 02.

– Милиция. Дежурный старшина Городец, – раздалось в трубке.

– Милейший, понимаете в чем дело? Мы с женой, – Гена ласково поглядел на Таню. – Только что вернулись с одного мероприятия и нам кажется, что в наше отсутствие через квартиру прошло на водопой стадо слонов. Вы бы не могли прислать к нам людей, чтобы они разузнали, кто показал им эту тропинку, очень хочется посмотреть ему в глаза.

В трубку было слышно, как со скрежетом проворачивалось серое вещество в голове у старшины. Минут пять на том конце провода напряженно молчали, а потом, видимо, так и не поняв ничего из сказанного, осторожно спросили:

– А на каком этаже вы живете?

– На третьем.

На этот раз пауза была трехминутная.

– Вы что, не понимаете, куда вы звоните? Это милиция, а не зоопарк! Немедленно прекратите, а то живо привлеку за телефонное хулиганство, – после этих слов в телефоне что-то щелкнуло и пошли короткие гудки.

– Кажется, мы друг друга не поняли, – Яблочкин развел руками.

– Перестань издеваться над милицией. Там тоже люди работают, – Таня выхватила из его руки трубку телефона.

Она уже справилась с той минутной слабостью, и поэтому ее голос звучал твердо.

– Алло, милиция? Нашу квартиру ограбили! Адрес? Южная 18, квартира 34. Спасибо. Ждем. – Она взглянула на Яблочкина. – Вот так надо с ними разговаривать.

Гена вздохнул и откинулся на спинку кухонного диванчика.

– Милая, сделай мне кофе.

– Да ладно! Пока они домчат, я еще и выспаться успею, – Гена поднялся, и сам поставил на плиту чайник, а Таня, прихватив из аптечки валерьянку, отправился в свою комнату.

Звонок в дверь раздался в тот момент, когда Гена опускал чашку в мойку.

– А вот и наши доблестные любители беспорядка! – крикнул из кухни Яблочкин.

– Я открою, – выбежала из комнаты Таня.

Замок щелкнул, и в квартиру вошли трое молодых людей.

Двое были в милицейской форме лейтенанта и сержанта, а третий, судя по всему старший, в гражданском костюме.

– Здравствуйте. Что у Вас случилось?

– Ничего, просто не с кем было чая попить, – вышел из кухни Гена.

– Не слушайте, это у него от шока, – выступила вперед Таня и гневно посмотрела на Яблочкина.

Гена скрылся за кухонной дверью и достал из кармана мобильный телефон.

– Проходите сюда, мы решили до вашего приезда ничего не трогать, – скороговоркой выпалила Таня, приглашая сотрудников милиции пройти в глубь квартиры.

– Так. Давайте все по порядку, – произнес следователь, внимательно осматривая беспорядок в комнатах. Сержант же, расчистив себе место за журнальным столиком и водрузив на него тетрадь, принялся записывать.

После получасового «затворничества» Яблочкину надоело сидеть на кухне, и он вышел к оперативникам. Таня к этому времени уже рассказала все, чем они занимались весь этот день, а особенно вечер, и помогала лейтенанту разбирать вещи. Завидев вошедшего в комнату Яблочкина, следователь подошел к нему с сочувственной улыбкой.

– Ну, как? Немного успокоились?

Гена взглянул на широкое, располагающее к себе лицо сыщика, задержал взгляд на его умных, пронизательных глазах и его сарказм несколько поутих.

– Да, спасибо.

– Вот и чудненько. А теперь, если Вы не возражаете, я хотел бы задать Вам несколько вопросов.

– Так ведь жена Вам все рассказала, – ответил Гена и волна отвращения к представителям этой профессии вновь захлестнула его.

– Мне бы хотелось послушать Вашу точку зрения, – улыбка на лице следователя сделалась еще мягче. – Если Вы не против, давайте пройдем на кухню.

Гена пожал плечами и шагнул в коридор.

– Вы, когда здесь закончите, переходите в следующую комнату. Костя! Чтоб мне протокол досмотра был подробным, без всяких там твоих сокращений. Понял? А то самого читать заставлю, – уходя, бросил оперативник сержанту и поспешил за Яблочкиным.

– Итак, с утра... – начал следователь, измеряя шагами кухню.

– Я отправился в институт, а Таня на работу, – перебил его Гена, сидя на краешке диванчика.

– Хорошо. Потом.

– Вернулись домой.

– Тогда все было в порядке?

Терпение у Гены лопнуло, он откинулся на спинку, достал сигарету, закурил, и, глядя на оперативника сквозь дым, не скрывая иронии, произнес:

– Командир. Если бы в то время квартира выглядела так

же, вы были бы здесь гораздо раньше.

– Значит, днем квартира была цела, – не обращая внимания на сарказм Яблочкина, подытожил следователь. – Потом куда вы отправились?

– К моему другу на свадьбу.

– Где живет Ваш друг? – сотрудник достал из внутреннего кармана блокнот и ручку.

– Парковая 15, квартира 21.

– Как зовут Вашего друга?

– Историк. Тьфу-ты, блин. Коля, Коля, как его? – стушевался Геннадий, поняв, что напрочь забыл настоящую фамилию Историка.

Вдруг он хлопнул себя по лбу ладонью и облегченно рассмеялся:

– Вспомнил! Дубин. Николай Дубин.

– Да. Видно очень близкий друг, что с трудом фамилию вспомнили. Ваша жена ее вообще не знает.

– А вот Вы можете сейчас, не задумываясь, назвать девичью фамилию Вашей жены? – хитро прищурившись, спросил Яблочкин.

Сыщик открыл рот, потом густо покраснел, выдохнул и спрятался за блокнотом.

– Мы сейчас говорим о Вас, – раздался оттуда его сдавленный голос. – В котором часу Вы вернулись?

– Час назад.

– То есть, – следователь взглянул на часы. – В 22.20. Так?

– Вроде того. Я не засекал время.

– Дверь была взломана?

Тут Гена пристально посмотрел на сыщика и медленно произнес:

– Нет, замок был цел.

Когда следователь вышел из кухни, Яблочкин загасил сигарету и тут же прикурил другую. Вскоре оперативник вернулся, и вопросы возобновились.

– Наконец-то, – Гена захлопнул дверь за милицейскими работниками, и устало привалился спиной к стене. – Тань! Который сейчас час?

– Почти два, – она вышла из комнаты и тяжело вздохнула.

– Устала?

– Есть немного, – она отбросила свисающую на лицо прядь волос и тяжело вздохнула. – Вечер сегодня выдался какой-то... – девушка рукой указала на кавардак в квартире.

– Разгромный, – докончил за Таню фразу Гена и подошел к еле держащейся на ногах девушке. – Дорогая, да ну их, этих полотняные барханы. Пошли спать.

Словно ждав этих слов, Таня без сил упала ему на грудь и он, подхватив ее на руки, понес в спальню.

Утром Гена проснулся от назойливых трелей. Казалось, вся квартира была наполнена переливами звонков. Звонили одновременно и в дверь, и на мобильник и на домашний. От всей этой какофонии Гена первые минут даже растерялся и стоял посреди спальни в одних трусах, бессмыслен-

но хлопая ресницами, пытаюсь сообразить, куда броситься в первую очередь. На помощь ему пришла Таня. Она дотянулась до его джинсов и извлекла оттуда мобильный. Через секунду на одну мелодию сало меньше.

– Здесь сработал будильник, – ответила она на вопросительный взгляд Гены.

– Ага. Значит, оставшиеся два мне доброго утра не пожелают, – сказал он и, впрыгивая на ходу в спортивные брюки, пошел открывать дверь.

На пороге стояли его родители. Пригласив их жестом войти, Гена помчался к телефону.

– Привет. Что ты мне вчера ночью пытался сказать? Извини, но я так ничего и не понял, – раздался в трубке голос Шустрика.

– А, Саня, здравствуй, – невольно зевая и потягиваясь, ответил Гена. – Ты не мог бы ко мне приехать? Очень нужна твоя помощь.

– А в чем дело? Что-то случилось?

– Это не по телефону. Ты сможешь?

– Через полчаса буду.

Гена положил трубку и повернулся к стоящему посреди кухни отцу.

– Привет, пап. А где мать?

– С Таней. Ты мне объяснишь, что здесь произошло?

Гена включил чайник и задумчиво поглядел на отца.

– Если честно, сам пока толком ничего не понимаю. Да-

вайждемся Шустова и все вместе попробуем разгадать эту загадку.

– А, может, это просто банальное ограбление, – высказал предположение Степан Семенович, глядя на горы еще неприбранных вещей.

Гена почесал затылок и криво усмехнулся.

– Нет, па. Им очень хотелось, чтобы так выглядело, но... Давай все жеждемся Сашу.

Отец, подумав, согласно кивнул, и они отправились к женщинам помогать наводить порядок.

Шустов оказался на редкость пунктуальным. Как и обещала, через полчаса он уже стоял в коридоре Таниной квартиры.

– Так что у вас случилось? – спросил он, внимательно рассматривая все еще разбросанные по квартире вещи.

– Ну, раз все в сборе, предлагаю попить чаю, – объявил Гена и увлек Шустрика на кухню.

Вскоре к ним присоединились и все остальные. За завтраком Таня с Геннадием, дополняя друг друга, рассказали о том кошмаре, который их ждал в квартире по возвращении со свадьбы. По окончании рассказа в кухне повисла напряженная тишина. Первым ее нарушил Степан Семенович.

– Так вы говорите, почти ничего не пропало? – спросил он, вертя в руках чашку с чаем.

– Ну да. Кое-какая мелочь из тумбочки, бутылка виски из бара и... Тань, что еще?

– Мои сережки.

– Вот, точно, сережки.

– А было, что еще взять, кроме вещей и аппаратуры? – задал вопрос Шустов, глядя куда-то в пустоту.

– Ну конечно. В той же тумбочке лежали кредитные карточки, кстати, код написан прямо на них. Часы, довольно дорогие, цифровой фотоаппарат, да и вообще, – Гена неопределенно развел руками.

– Только исходя из этого, ты считаешь ограбление странным? – спросил его Степан Семенович.

– Нет, самое главное, дверь не была взломана. И вскрыта не отмычкой. Менты осматривали, сказали, что ключ был родной.

Все за столом удивленно уставились на Гену. Он отхлебнул из чашки и продолжил.

– Мало того, когда мы вошли в квартиру, у меня сложилось впечатление, что здесь что-то искали. Грабители, мне кажется, так вещи не разбрасывают.

– Н-н-да. Действительно, – задумчиво произнес шустов.

В кухне опять наступила тишина, каждый думал об этом происшествии.

Наконец Александр отодвинул чашку:

– Итак. Есть только одна зацепка. Ключ. У кого кроме вас он мог быть?

Гена и Таня вопросительно посмотрели друг на друга. Первой, растягивая слова, заговорила девушка.

– Ну, естественно у меня, у Гены, комплект был у папы, нам его отдали там, в милиции. Еще? – она снова взглянула на Яблочкина, но тот в ответ лишь пожал плечами и отрицательно завертел головой.

– Я так понимаю, что Вы после убийства замок не меняли? – удивленно взглянул на них Шустрик.

– Не-ет, – Таня растерянно перевела взгляд с Гены на Александра.

– Года два назад, я видел, как из вашего подъезда выходил один молодой человек, – подал голос, молчащий до этого Степан Семенович.

Все повернули головы в его сторону.

– Я по долгу стою на балконе и наблюдаю за тем, что делается в нашем дворе. Так вот, этого молодого человека я не раз наблюдал в компании твоего, Танечка, отца. Но в тот день он выходил из подъезда один.

– Ну, и ...

– В это время ни тебя, ни твоего отца дома не было.

– Может, он не к нам приходил, или позвонил в дверь, подождал немного и когда никто не открыл, ушел, – не совсем уверенно высказала предположение девушка.

Степан Семенович усмехнулся.

– Возможно, но я видел и когда он приехал. Между этим прошло минут сорок. Думаю, человек столько перед дверью не простоят. Теперь еще, знакомых, кроме вас, у него в этом доме, насколько мне известно, нет.

– Как ты говоришь, он выглядел? – пристально глядя на отца, спросил Яблочкин.

– Примерно чуть старше тебя, прилично одет, светлые, уложенные по последней моде волосы. До твоего возвращения я его довольно часто встречал в нашем дворе. Одного или с Василием Петровичем.

Таня с Геной переглянулись и в один голос воскликнули:

– Ольгерд!

– Точно! – ударила ладошками по коленкам Таня. – Как я могла забыть. В то время он часто захаживал к нам в любое время, как к себе домой.

Яблочкин поднялся из-за стола и направился к выходу

– Сань, пошли со мной, – бросил он на ходу.

– Куда?

– К этому альбиносу. Что-то давненько я к нему в гости не захаживал. Хочу в его рыбы глаза взглянуть.

– А я здесь при чем? – пряча улыбку, спросил Шустов.

– Чтобы его подержать, пока я буду смотреть.

Через час друзья подходили к 25-тому дому по улице Советской.

– Сейчас этот кальмар будет танцевать нам вальс в присядку, – кровожадно процедил сквозь зубы Яблочкин, сжимая кулаки.

– Но-но Гена, остынь. С таким выражением лица в годы войны люди на танки бросались, но сейчас несколько другое время. Все нужно делать без истерики, с холодной головой.

– И горячими пятками?

– Можно и с ними, – у подъезда Александр попридержал гену за рукав. – Погоди. К двери подойду я один. Ты постоишь на ступеньках.

– Зачем? – удивленно спросил Яблочкин, все еще рвавшийся в бой.

– Во-первых, он меня не знает, а во-вторых, у тебя сейчас такое лицо, что крокодил по сравнению с тобой – мисс Вселенная.

Смех Яблочкина в полупустом дворе прозвучал, словно пушечный выстрел.

– Все, тихо, поднимаемся, – одернул его Шустрик и вошел в подъезд.

– Кто там? – раздался за дверью 17 квартиры женский голос.

– Проверка вентиляционной системы, – ответил Александр и отстранил подальше от глазка Гену.

– Но у нас, кажется, все в порядке.

– Тогда вам нужно расписаться вот здесь, – Шустов выудил из кармана брюк мятый клочок бумаги.

После минутного колебания замок щелкнул, и из приоткрывшейся двери выглянула симпатичная блондинка.

– Давайте, где? Ой!

Яблочкин сделал шаг и резко рванул дверь на себя.

– Здравствуйте, как Вас там? Муж дома?

Не дожидаясь ответа, он вбежал в квартиру. Следом про-

шел Шустов. Он захлопнул дверь и привалился к ней спиной, отрезая девушке путь к отступлению.

Меньше минуты понадобилось Геннадию, чтобы понять, что Ольгерда здесь нет. Он вышел в коридор и обратился к стоящей у стены, перепуганной девушке.

– Где он?

Блондинка переводила большие, полные слез глаза, с одного лица на другое и от страха только икала.

– Не волнуйтесь Вы так, гражданочка, – как можно спокойнее и ласковее обратился к ней Александр. – Лишать Вас части и совести никто не собирается. Мы пожаловали не за этим. Нам очень нужен Ваш муж.

– А его нет дома, – всхлипывая, выдавила она из себя.

– Вы, может, будете удивлены, но мы это заметили, – немного взяв себя в руки ответил Гена.

– Итак, – приторно сладко улыбаясь, придвинулся к ней Яблочкин, – начнем сначала. Где не совсем уважаемый Ольгерд?

– Ну, это, я не знаю, – испуганно вжалась в стену девушка и расплакалась.

Шустов сделал Гене знак рукой удалиться, а сам обнял ее за тراسущиеся плечи и ласково успокаивающе произнес:

– Не надо, перестаньте. Мы не причиним Вам зла. Просто хотели задать Вашему мужу всего пару вопросов. Так вы знаете, где он?

Девушка продолжала тихо плакать.

– Как Вас зовут?

– Ка-катя, – сквозь всхлипы сказала она.

– Прекрасное имя, Катя. Он давно уехал?

– Утром, часов в 7-8. Я еще спала.

– Вот и умница, вот и молодец. А куда?

Девушка последний раз всхлипнула и взглянула на Шустова покрасневшими глазами.

– Он вчера поздно вернулся домой и говорил что-то о деревне Студенка.

– А что, конкретнее? – не преставая успокаивающе поглаживать ее по плечу, спросил Шустов.

– Я не совсем поняла, но он что-то говорил о кладе, сокровищах, бывшем напарнике.

– Ясно. Он один уехал?

– Не знаю, – девушка снова всхлипнула.

Поняв, что Катя больше ничего не знает, Александр убрал руку с ее плеча и позвал Гену.

– Пошли, Степанович, сегодня ждать его здесь бесполезно.

Яблочкин вышел из комнаты, зло взглянул на девушку, но увидев ее безвольно опущенные плечи, трясущиеся мелкой дрожью, махнул рукой и молча вышел в след за Александром из квартиры.

– Слышал? – спросил его Шустов, когда они спускались вниз по лестнице.

– Слышал.

– Ну и..?

– Не знаю. Поехали домой. Там подумаем.

– Интересно, какая связь между этой деревней и вашей квартирой? – задумчиво спросил скорее сам себя, чем Гену, Шустрик.

Яблочкин лишь неопределенно пожал плечами.

– Ну, как съездили? – встретила их вопросом Татьяна.

– Почти никак, – Гена оглядел квартиру, которая к их приезде сверкала чистотой и порядком, словно и не было ночного кошмара. – А вы время зря не теряли.

– Да уж. Старались. Ну не томите, рассказывайте.

Опуская ненужные детали, Александр в двух словах описал результаты их поездки.

– Студенка? Она сказала Студенка? – вскочила Таня со стула.

– Кажется да, – удивленно взглянул на нее Гена. – А что?

– Так кажется или точно? – Таня вышла из-за стола и подошла вплотную к Александру, нервно теребя края блузки.

– Да Студенка, Студенка, а в чем дело? – взял на себя удар Яблочкин.

– Дело в том, что наша дача находится именно там.

У всех сидящих на кухне округлились глаза, а у Яблочкина даже приоткрылся рот от удивления.

Первым нарушил тишину Шустов. Он ударил ладонью по столу и резко встал.

– Теперь мне все ясно. Поехали.

– Куда? – снова повернулась к нему Татьяна.

– К тебе на дачу. Что-то меня в деревню потянуло.

– Ты думаешь..? – взглянул на него Гена.

– Не знаю, но нужно проверить, – ответил на его недосказанный вопрос Александр и вышел их кухни.

В машину сели только втроем: Шустов, Яблочкин и Татьяна. Степан Семенович и Анна Трофимовна остались на всякий случай в квартире. Когда машина отъехала от дома, Гена повернулся к Шустрику.

– Так что тебе стало ясно?

– А вот что, – Александр откинулся на спинку заднего сидения и закурил. – Скорее всего, незадолго до смерти Василий Петрович проговорился Ольгерду о каких-то своих сокровищах, но в виду своего трусливого характера этот, как ты его называешь «рыбий глаз», не решался все это время предпринять попытки их добыть, хотя и не сидел, сложа руки. Мне кажется, он искал надежного помощника и вот ему на днях повстречался Рыжий.

– Ты думаешь, он? – перебил Шустова Яблочкин.

– Вспомни, что говорила Зоя на свадьбе, – недовольно поморщился Александр. – Так вот. Узнав, что вы весь вечер будете находиться у Зои, Ольгерд с Рыжим проникли в квартиру, благо замок вы не сменили, а у него был ключ, и перевернули все вверх дном, но видимо ничего не нашли.

– Конечно, не нашли. В квартире ничего такого нет, – возмущенно перебила его Таня.

– Поэтому они и решили, что сокровища спрятаны на даче, – не обращая внимания на реплику, закончил Шустрик.

– Это становится совсем интересно, – задумчиво произнес Гена, и повернулся к Татьяне. – Папа тебе об этом что-нибудь говорил?

Девушка отрицательно покачала головой.

Въехав в небольшую деревеньку Студенка «Вольво» сбавила скорость.

– Где твоя дача? – спросил Александр, придвигаясь почти вплотную к девичьему затылку.

– Второй поворот налево, последний дом.

– За поворотом остановишь. Пойдем пешком, – скорее приказал, чем попросил Шустов.

Выйдя из машины, они быстро, но тихо двинулись вдоль улицы. Не дойдя до Татьяниной дачи всего один дом, Шустов остановился.

– Теперь сделаем так. Вы с Геной войдите в калитку, а я перелезу к вам на участок через вот этот забор, зайду с тыла так сказать, – шепотом распорядился Александр.

– Но ведь там же соседи живут? – удивленно предупредила его Татьяна.

– Ничего, я найду с ними общий язык, – успокоил ее Шустрик и, улыбнувшись, скомандовал: – Ну, вперед!

Войдя через обветшалую калитку в заросший бурьяном двор, Татьяна и Яблочкин чуть не упали от изумления. На задней его части, кряхтя и обливаясь потом, Коля Рыжий с

Ольгердом перекапывали лопатами землю.

Глядя на эту картину, Таня захихикала вначале чуть слышно, потом все громче и громче и, в конце концов, разразилась истеричным смехом. Кладоискатели замерили на месте с поднятыми лопатами, а Гена бросился к рядом стоящей колонке за водой. Получив порцию холодного душа в лицо, девушка пришла в себя.

– Так вот о чем шла речь, – наконец сказала она, утирая рукавом лицо. – А я то думала, – Таня с улыбкой взглянула на Яблочкина. – Помнишь, я тебе говорила, что мой отец очень любил скрещивать деревья?

– Что-то припоминаю.

– Так вот. За три месяца до гибели ему удалось скрестить два сорта яблони. В результате должны были получиться необыкновенные по вкусу и долго хранящиеся плоды. Этот новый сорт яблок он и назвал «сокровище».

Теперь уже истерическим хохотом смеялся Яблочкин. Развеселившись, молодые люди не заметили, как кровь с лица Рыжего отхлынула, глаза лихорадочно заблестели, а пальцы, сжимавшие черенок лопаты, побелели от напряжения.

– Убью, сучка! – рыкнул он и прыжками помчался на них, размахивая лопатой.

Гена заметил опасность слишком поздно, чтобы убежать. Он только успел спрятаться за своей спиной девушку и уже приготовился принять удар на себя, как за Рыжим мелькнула какая-то тень и на его «золотую» макушку опустилось поле-

но. Глаза у бывшего предводителя бомжей закатились и он, не издав ни звука, рухнул на землю.

– Иногда, даже приятно для разнообразия самому Рыжему ударить, а не подставлять свою макушку под его кулак, – удовлетворенно произнес Шустов. – Ничего, к приезду ментов оклемается.

– А где второй? – огляделся, по сторонам Яблочкин.

– Думаю, на пути к Полькой границе, – усмехнулся Саша.

– Предлагаю это дело обкурить.

– Принято единогласно.

...Смертельная опасность поджидала спасателя на каждом шагу, любое окно, угол здания, канализационный люк, таили в себе угрозу. То тут, то там высывались стволы автоматов и тогда над его головой с противным визгом, проносилась смерть. Но он бесстрашно пробирался вперед, ведь для того спасатель и был послан в этот городок, чтобы уничтожить царствующее в нем зло. За очередным поворотом на встречу ему вдруг выскочило многоглавое чудовище, поливая свинцовым дождем из четырех автоматов все вокруг, не забывая при этом изрыгать из всех своих шести глоток адское пламя...

– Ну, как дела в первое рабочее утро? – раздался в кабинете Яблочкина насмешливый вопрос. Гена на миг отвлекся, и его спасатель вспыхнул пионерским костром.

– Блин. Третью жизнь теряю, – досадливо поморщился он

и взглянул на вошедшего.

– Ты чего опаздываешь?

– Так все равно никого нет, – развел руками Шустов. – Я присяду?

Не дожидаясь разрешения, Александр плюхнулся на стул по другую сторону Гениного стола.

– Чего спрашиваешь? – Яблочкин, прищурив один глаз, посмотрел на друга.

– Так ведь ты же теперь мой начальник. Б-о-о-сс! – Шустов сделал строгое лицо и поднял указательный палец вверх.

– Перестань паясничать. Возьми лучше вон газеты полистай, может чего интересного нароешь, – махнул в сторону стопки прессы немного смутившийся и от того сердитый Яблочкин, и повел очередного спасателя в атаку.

После всех злоключений, выпавших на долю семей Яблочкиных, Шустовых и большей половины местных бомжей, прошло четыре года. Гена закончил институт, женился на Тане и принялся искать себе работу по специальности, но как оказалось, городу историки были необходимы как колорадские жуки картошке. Во всех учебных заведениях, где он предлагал себя в качестве учителя, а также в музее и даже в турагентстве, на него смотрели как на зеленого человечка. Яблочкин даже в одном кабинете посмотрел в зеркало, чтобы убедиться, что у него лицо нормального бледно-розового цвета, с приятной синевой под глазами. Все яростно отмахив-

вались от своего прошлого. После очередного поиска куска хлеба, Геннадий забрел в гости к своему приятелю Шустову.

– Ну, как успехи по благоустройству своего места под солнцем? – спросил его Александр, доставая из холодильника запотевшую бутылочку водки.

– Никак. Все места распроданы на жизнь вперед, – расстроено ответил Гена. – Придется возвращаться на завод.

– Так все запущено? – прозрачная жидкость забулькала по рюмкам.

– Более чем. Оказывается, знатоков прошлого в нашем городе на душу населения приходится с переизбытком, – Яблочкин взял рюмку и, не чокаясь, опрокинул ее в рот. – А у тебя как? – спросил он Шустова, когда водка добралась до желудка.

– Да так. – Александр неопределенно махнул рукой и потянулся за бутербродом. – Все вроде бы хорошо. На стройке и зарплата неплохая, и кое-какие соц.гарантии имеются и условия сносные, но понимаешь... – он отложил надкусанный хлеб и задумчиво посмотрел в окно. – У меня такое чувство, что еще немного и я обросту шерстью. залезу на дерево и стану швыряться в людей кокосовыми орехами.

– У нас не растут пальмы, – серьезно заметил Гена.

– Тогда яблоками, каштанами, воронами в конце концов. – Шустов ударил кулаком по столу и потянулся за бутылкой.

– Все настолько серьезно?

– Ты даже представить себе не можешь. Приходя утром в бытовку, чтобы переодеться, я, слушая разговоры своих товарищей, с ужасом ловлю себя на мысли, что общения с этими гегемонами приводит меня к даунизму. А сама монотонная, отупляющая работа? Мне иногда кажется, что будучи бомжом, морально я чувствовал себя намного легче и свободнее.

– А снова стать аналитиком не пробовал?

– Какое там? – Шустов взял со стола наполненную рюмку, чокнулся с Яблочкиным и вылил содержимое в рот.

– Я в институт запрос посылал, чтобы они дубликат диплома выслали, но, увы. У них в архиве трубу прорвало, короче, нет больше аналитика Шустова Александра Петровича, остался только один каменщик.

Изливая друг другу душу, друзья даже не заметили, как закончилась одна бутылка водки, затем вторая. И когда на половину опустела третья, в кухню заглянула Светлана.

– А вы все водочку пьянствующую? – робко улыбаясь, спросила она и присела рядом с мужем.

– Вот, Светик, думаем, как дальше жить, советуемся, так сказать, – заплетающимся языком ответил Александр.

– Мне кажется, что она, – женщина указала на водку, – плохой советчик.

– За это мы ее и казним, – пьяно засмеялся Гена и влил в себя очередную порцию.

– Ты бы вместо того, чтобы со змием сражаться, лучше

Сашин диплом поискал. Из тебя бы неплохой милиционер получился.

Яблочкин сделал страшное лицо, помахал перед своим носом скрюченным пальцем, попытался что-то сказать, но не смог и от огорчения уснул за столом.

Проснувшись на следующий день, Яблочкин с трудом поднялся с дивана, и побрел на кухню, в надежде хоть чем-нибудь облегчить свое недомогание. После стакана холодно-го кефира, ему тало немного легче. Подумав с полминуты, он налил себе еще один, и тут его голова взорвалась от телефонного звонка.

– Слушаю, – кривясь от головной боли, сказал в трубку Яблочкин.

– Ну, как самочувствие? – поинтересовался на другом конце провода голос Шустова.

– Блин. Саша. Если бы ты не был моим другом, я бы тебя убил как вредного элемента.

– Извини, я думал ты уже не спишь.

– Лучше бы я спал. Ладно, прощаю. Ты можешь сейчас ко мне приехать?

– Могу. Водку брать?

При упоминании спиртного Гена почувствовал, как его желудок попытался спрятаться в мочевом пузыре. Подавив приступ рвоты, он категорично сказал:

– Нет. Прихвати кефира, у нас будет серьезный разговор.

Положив трубку, Яблочкин посмотрел на полный стакан,

вздыхнул и отправился в ванную.

– И об чем разговор? – спросил Шустов, выкладывая на стол пакет кефира для Гены и бутылку пива для себя.

– Мне вчера в голову одна идея пришла.

Александр саркастически усмехнулся:

– Тебя всегда муза посещает, когда ты всем лицом салат трескаешь?

Гена даже не обратил внимания на сатирический выпад друга. Он придвинул поближе стул, и, навалившись грудью на стол, таинственно зашептал:

– Нет, не всегда. Меня на эту мысль твоя Света подтолкнула.

– Действительно? – заинтриговано спросил Шустов и, согнав с лица ироническую улыбку, тоже подался вперед. – Ну и что за мысль?

Шустов несколько минут тупо смотрел на довольную физиономию друга, затем, не глядя, нащупал стоявший на столе стакан кефира, выпил его одним махом, поморщился, словно от водки, и потянулся за огурцом.

– Но, но. Ты поаккуратней с меню, а то, как бы от твоего эксперимента у тебя доньшко не прохудилось, – встревожился Гена, отбирая у Александра соленую закуску.

Шустов приложил ладонь ко лбу друга и сокрушенно покачал головой.

– Да, Геник, ты сегодня прям светофор какой-то. Лицо – красное, змей – зеленый, горячка – белая. Может врача

вызвать?

– Ага. Патологоанатома. Ты послушай, прежде чем меня в психушку сдавать.

Яблочкин встал и начал, расхаживая по кухне, выкладывать все доводы в поддержку своей идеи. Шустов слушал его не перебивая, и сочувственное выражение лица сменялось на задумчивое.

Дни в маленькой, тесной комнатухе, снятой под детективное агентство «Гроза» проходили однообразно скучно. Яблочкин все свое рабочее время отдавал борьбе за светлое будущее виртуальных городов, а Шустов либо дремал в неудобной позе на стуле, либо читал тематические пособия от Чейза, Агаты Кристи, Незнаского и др. Изредка их идилию нарушали торговцы всякой дрянью, инспектора разных служб или электрик из соседнего «офиса» в поисках стакана и компании.

– Блин! Уже неделя прошла, а клиенты что-то в очередь становиться не торопятся, – первым не выдержал Шустов, начиная очередной рабочий день.

– А ты думал, люди в первый же начнут ломиться к нам, как на премьеру фильма? Нет, Саня. В первую очередь нам нужно запастись терпением, – попытался успокоить его Яблочкин, хотя у самого настроение было хуже некуда.

– Может, нам все-таки сменить профиль?

– На какой? Секс по телефону или проститутками по вы-

зову?! – взорвался Гена.

Он включил компьютер, вскочил и заходил по комнате.

– Ты предлагаешь мне вернуться на завод, а тебе на стройку?

– Ну, зачем же так категорично? Можно, например, торговать чем-нибудь.

– Чем? Мазью от облысения ежей или зубной пастой для хомяков?

Шустов глядел на мечущегося по комнате Яблочкина по верх газеты.

– Ты присядь, Ген, не мельтеши. Это я как вариант предложил, а ты сразу орать. Не подобает так вести себя сыщику.

Яблочкин остановился посреди комнаты, зло взглянул на напарника и молча прошел к столу.

– Вы уволены, Алескандр Петрович, – произнес он, стараясь не смотреть в сторону Шустова.

Саша не спеша сложил газету, положил ее на край стола, медленно поднялся и сделал три шага, отделявших его от двери. Уже держась за ручку, он обернулся, и тихо сказал:

– До свиданья, Геннадий Степанович. Надеюсь, без меня дела у Вас пойдут гораздо лучше.

Тут Александр почувствовал, что дверная ручка под его ладонью стала медленно опускаться вниз. Он убрал руку и сделал шаг в сторону. Дверь слегка приоткрылась, и в образовавшейся щели показалось старушечье лицо.

– Прачечная дальше по коридору – с раздражением ска-

зал- женщине Яблочкин.

Глаза на морщинистом лице испуганно заморгали, и дверь двинулась в обратную сторону.

– Одну минуточку, – воскликнул вдруг Шустов, оставивая закрывающуюся дверь. – Вы искали детективное агентство «Гроза»? Тогда Вы пришли по адресу.

Он схватил женщину за руку и почти силой втопил ее в комнату. Маленькая худенькая старушка стояла перед столом Яблочкина и испуганно оглядывалась.

– Вы действительно пришли к нам? – с надеждой в голосе спросил Яблочкин.

Женщина кивнула и еще сильнее стала теревить выдавшую виды сумочку.

– Да Вы не волнуйтесь. Присаживайтесь, успокойтесь. Выпейте, вот воды.

Гена одной рукой стал наливать в стакан минералку, а другой сделал знак Шустову вернуться и сесть на стул рядом с собой. Александр немного помялся, но все же прикрыл дверь и прошел к столу.

– Итак. Что привело Вас к нам? – продолжил расспрашивать Яблочкин женщину, когда та немного успокоилась

– Видите, ли. Я пошла в милицию, а они стали смеяться и говорить, что это мыши, но мыши не едят тушенку прямо с банками и соленые огурцы они тоже не любят. Вот перловку, зерно – это да, а взять, к примеру, мои закатки, или скажем борщ из холодильника...

– Подождите, подождите, уважаемая, как Вас, простите?

– Чурпина Надежда Сергеевна.

– Надежда Сергеевна, мы пока что так ничего и не поняли.

Какие мыши? Какой борщ? Не могли бы Вы рассказать нам все по порядку.

– Так я и говорю, – снова затараторила старушка, переводя взгляд с Яблочкина на Шустова. – Намедни, я в тумбочку полезла, хотела кашу с тушенкой сделать, ан глядь, ни банки, ни макарон нету. А до этого огурцы пропали, а еще раньше рис куда-то запропастился. Я сперва думала, склероз у меня случился. Как-никак восьмой десяток небо копчу, так позавчера борщ прям из холодильника куда-то сгинул и деньги.

Яблочкин потряс головой и вопросительно взглянул на Шустова. Тот сидел чуть подавшись вперед, внимательно вслушиваясь в каждое ее слово.

– Я хоть и старая, но ведь не дура, – все больше распалялась женщина. – Помню, что в кошельке деньги были. Я магазине хлеб брала, мне еще продавец с пятерки сдачу дала. А тут раз и нету. А в милиции меня на смех подняли. Говорят, купи бабка мышеловку. Да где это видано, чтобы мыши борщ из холодильника вместе с кастрюлей съедали? Обидно мне стало, что наши органы меня на старости лет полной дурой выставили, иду от них, реву, а тут глядь, заметка про вас на столбе приклеена. Ну я и подумала...

– Правильно подумали, Надежда Сергеевна, – поднялся с места Александр. – Нам практически все ясно, но можно

задать Вам еще пару-тройку вопросов?

Женщина кивнула и вытерла носовым платочком увлажнившиеся глаза.

– Перво-наперво, выпейте воды,-Шустов протянул бабушке наполненный стакан. – Успокойтесь и скажите, Вы одна живете?

Женщина глубоко вздохнула и подняла на Александра покрасневшие глаза, в которых были видны усталость и страх.

– Одна, милок, почитай уж лет десять одна. Как мой муж умер, так и живу. Золотой был человек. Добрый, хозяйственный, он у меня инженером, на нашем заводе работал, а я к ним в отдел на практику пришла. Молоденькая была, шустрая, там и познакомились. Он статный такой был, красивый, волос густой черный. Стеснительный, правда, немного, – женщина улыбнулась своим далеким воспоминаниям. – Представляете, на танцы не он меня, а я его первый раз пригласила.

– Надежда Сергеевна, давайте оставим светлую память вашего мужа в покое, и вернемся к нашему делу, – прервал ее Яблочкин.

Женщина стушевалась и замолчала, Шустов укоризненно покачал головой.

– Значит,десять лет. А дети у Вас есть? Простите за нескромный вопрос.

– А как же. Дочка и сын. Двое. Так они, как на свои хлеба ушли, своими семьями обзавелись, так и разлетелись кто

куда. Дочка, та вообще, в Америку подалась. Тут, главное, в институте работала, физиком. Докторскую защитила, свой отдел у нее был. Какие-то эксперименты ставила, так нет. Все возмущалась, что ее не ценят, не уважают, то того не дают, то это не разрешают, то зарплата маленькая. Собралась годов пятнадцать назад и укатила к черту на кулички. Теперь у нее все хорошо. Всем счастлива, всем довольна, – старушка высморкалась в платочек и грустно улыбнулась. – Официанткой в каком-то баре работает.

В комнате на несколько минут наступила гнетущая тишина.

– А сын? – задал очередной вопрос Шустов.

– О! Андрюша, – встрепенулась женщина и, открыв сумочку, протянула ему фотографию красивого мужчины в форме. – Он у меня офицер, пограничник.

Александр повертел в руках фото и протянул его Яблочкину:

– Далеко служит?

– В Архангельске.

– А соседи к Вам часто заходят?

– Нет. У нас из старых жильцов почти никого не осталось.

Кто умер, кто переехал, а с новыми я не знакома.

– Хорошо. И последний вопрос. Как давно у Вас стали пропадать вещи?

Женщина подняла глаза к потолку и стала загибать пальцы.

– Месяца, наверное, три назад.

– Вы не возражаете, если мы сейчас с Вами пройдем до-
мой и на месте посмотрим, что к чему?

– Вы и вправду хотите мне помочь? – в голосе старушки
прозвучала робкая надежда.

– Конечно, – вмешался в разговор Яблочкин. – Но Вы по-
нимаете, что наша работа стоит денег.

– О! Об этом не волнуйтесь, – женщина радостно улыбу-
лась. – Я заплачу столько, сколько нужно. У меня достаточ-
но средств.

Надежда Сергеевна поднялась и в сопровождении двух
детективов покинула комнату.

Двухкомнатная квартира пенсионерки вопреки ожидани-
ям сыщиков была обставлена довольно дорогой мебелью, на
стенах висели прекрасные картины известных авторов, а на
полу красовались ковры, скорее всего восточной работы.

– Однако неплохо живут инженеры шарико-гвоздильного
завода, – тихо присвистнул Шустов, разглядывая все это до-
рогое убранство.

– Ну что вы. Это все сын и дочь купили, – скороговоркой
выпалила Надежда Сергеевна и потянула их на кухню. – Не
хотите ли чаю?

– Если можно, – согласился Яблочкин и, окинув взглядом
вполне современное кухонное убранство, добавил, – Пока он
будет готовиться я, с Вашего разрешения, все же осмотрю
квартиру? – И, не дожидаясь согласия, вышел из кухни.

– И мы тоже не будем терять время, – не откладывая в долгий ящик, сразу приступил к делу Шустов. – Можете показать, где, что стояло из пропавшего?

Александр присел на корточки и с тоской оглядел пустые полки:

– Вы говорили, что еще из холодильника что-то пропало?

– Да. Борщ.

– А кастрюля была большая? – поинтересовался Шустов, заглядывая в на удивление пустой холодильник.

– Нет, такая эмалированная, литровая, с цветочками по бокам и на крышке.

– И еще вопрос. Борщ исчез один или вместе с упаковкой?

Женщина, с минуту хмурясь, смотрела на холодильник, пытаясь понять вопрос детектива, но все было тщетно, и она вопросительно взглянула на Александра.

– Я хочу сказать, суп сам по себе испарился или с кастрюлей?

– А-а-а, – облегченно выдохнула Надежда Сергеевна. – С кастрюлей. Прямо в чем был, в том и исчез.

Вдруг из комнаты послышался звук падающих книг и тихое упоминание Геннадия и их матери.

– Что он там делает? – встревожилась хозяйка, вспомнив, что в квартире находится еще один посторонний человек.

Оставив на тумбочке так и не собранное угощение, женщина выбежала из кухни. После коротких, но бурных дебатов пред Александром появился красный от смущения

Яблочкин. За ним следовала Надежда Сергеевна, пряча за улыбкой вырывающийся наружу гнев.

– Я, честное слово нечаянно, – прикладывая руку к сердцу, оправдывался Гена. – Хотел только на Вашу свадебную фотографию взглянуть.

– Она к делу отношения не имеет, – в голосе пенсионерки зазвенел металл. – Я уже сожалею, что впустила Вас в свою квартиру, но раз Вы здесь, то будьте добры, не рыскайте по ней, а сядьте и займитесь своим делом.

– Так я ...

– Там ничего не пропало, – ледяным тоном перебила Яблочкина хозяйка. – Все произошло на кухне. Здесь и работайте. В других местах Вам делать нечего.

Геннадий хотел было возразить, но Шустов незаметно одернул его за брючину, и сыщик счел за благо подчиниться.

После этого инцидента гостеприимность хозяйки мигом улетучилась. Она с едва скрываемым раздражением смотрела на молодых людей и всем своим поведением давала понять, что им пора заканчивать.

Александр первым почувствовав перемену в настроении Надежды Сергеевны, задал еще два-три ничего не значащих вопроса и стал собираться. Заняв его место за кухонным столом Яблочкин вынул из портфеля захваченные с собой бланки и ручку.

– Прошу Вас подписать вот эти бумаги, в которых указано, что Вы, Чурпина Надежда Сергеевна, заключили с на-

шим агентством договор и выдаете нам в качестве аванса вот эту сумму, – и ткнул ручкой в цифры на нижней строчке листка.

Женщина, немного поколебавшись, подошла к столу и взяла в руки контракт.

– Я теперь даже и не знаю, стоит ли мне с вами связываться, – с сомнением произнесла она, но, встретив умоляющий взгляд Яблочкина, смягчилась. – Но, так и быть. Попробуйте найти эту крысу.

Выхватив у Геннадия шариковую ручку, она поставила в конце листка свою размашистую подпись.

Открыв свой маленький, зажатый между прачечной и мастерской ЖЭО, офис, Яблочкин деловой походкой подошел к своему столу и присел на край столешницы.

– Ну-с. Что ты обо всем этом думаешь? – спросил он присевшего рядом Шустова.

– А ничего. Контракт подписан, деньги получены, надо работать.

Геннадий достал из пачки сигарету, прикурил ее и спрыгнул на пол.

– Мне кажется, что мы будем искать того, кого не существует. Все это бред сивой кобылы.

Брови Александра удивленно взметнулись вверх.

– Что ты имеешь в виду?

– Нет. Ты прикинь логически, – Яблочкин стал монотонно расхаживать по комнате. – Квартира не бедна. Есть доволь-

но дорогие картины, телевизор, DVD, короче, аудио- и видеотехника, значка приличной суммы зеленыю (я ее, кстати, очень легко обнаружил) и так далее, но пропадают почему-то продукты, посуда и мелочь из кошелька. Тебе не кажется все это странным?

Шустов неопределенно пожал плечами.

– Так вот, – продолжил Яблочкин, усаживаясь за компьютер. – Сопоставляя все это, я пришел к выводу, что она обратилась к нам от скуки. Пенсионерка просто решила развлечься.

Александр слез со стола и сладко потянулся:

– В любом случае, мой дорогой боссик, нам нужно отрабатывать хотя бы аванс.

– Согласен, – тяжело вздохнул Гена. – Но возникает вопрос – с чего начать?

Шустов улыбнулся и задорно подмигнул Яблочкину.

– Раньше вопрос стоял по-другому: «Где достать?». Мне кажется, для начала нужно побольше узнать об этой семье. Ты пробей это в ментовке. Да не смотри ты на меня, как Ельцин на Жириновского, убери с лица эту идиотскую улыбку. У тебя же там есть кое-кто из знакомых. А я пробежусь по другим каналам. Дай мне листок со всеми данными.

– Что ж. Давай попробуем, – согласился Яблочкин, и они вместе вышли из комнаты.

Старший лейтенант Говорко сидел у себя в кабинете и пы-

тался привести в порядок папки с делами, разбросанные как на столе, так и под ним, когда в дверь осторожно постучали и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел улыбающийся смущенной улыбкой Яблочкин.

– Вы по какому вопросу? – недовольно поморщился следователь.

– По личному, Андрей Андреевич.

Недовольство на лице капитана сменилось любопытством. Он с нескрываемым любопытством осмотрел вошедшего и жестом указал на свободный стул.

– Присаживайтесь. Я слушаю.

– Вы меня, наверное, не помните, – начал издалека Геннадий, сдерживаясь, чтобы не встать и не выбежать из кабинета. – Я Яблочкин. Года четыре назад вы вели дело об ограблении нашей квартиры.

Следователь пристально всмотрелся в лицо этого странного посетителя, пытаясь припомнить столь давнишнее дело. Наконец, глаза его заблестели радостным блеском, а детская улыбка обнажила его белые здоровые зубы.

– То-то мне лицо Ваше показалось знакомым. Вспомнил. «Дело Рыжего». Мы его тогда ловко у Вас на даче взяли.

Яблочкин утвердительно кивнул и опустил голову, чтобы скрыть саркастическую улыбку.

– Это было мое первое дело на должности следователя, – откинувшись на спинку стула, предался воспоминаниям капитан. – Тогда мы раскрутили этого бомжару по полной. На

нем, оказывается, еще два дела висело, одно из них, кстати, убийство Вашего тестя.

– Знаю, – вклинился в его монолог Яблочкин. – Но я пришел по другому вопросу.

– Извините, – вернулся в реальность капитан. – Слушаю Вас.

– Видите ли. Я теперь частный детектив и хочу просить Вас о сотрудничестве и помощи.

Капитан в немом изумлении долго смотрел на Яблочкина, открыв рот, затем запрокинул голову и затрясся в безудержном смехе.

– Ты? Детектив? – переспросил он, утирая выступившие на глазах слезы. – Шутишь?

Геннадий протянул ему разрешение горисполкома.

– Докатились, – выдохнул капитан, прочтя бумагу. – Мало нам марзматических старух и мужей-дебоширов, так теперь еще и частные сыщики появились. Вам что, заняться больше нечем?

– Может и есть чем, но захотелось попробовать вашего хлеба. Не получится, пойду в кондукторы. Так Вы мне можете?

Говорко изучающее посмотрел на Яблочкина, что-то прикидывая в уме, и, наконец, утвердительно кивнул головой.

– Хорошо. Можешь рассчитывать на меня, но мы заключим взаимовыгодный договор. Согласен?

– Что за он? – насторожился Яблочкин.

– Об этом мы поговорим чуть позже. Так что у тебя?

– Вот, – Геннадий достал из портфеля листок с данными заказчицы. – Мне нужно знать кто это, что это, какие у нее и ее семьи отношения с законом, ну и вообще, всю возможную информацию.

Следователь внимательно прочел бумагу и спрятал ее во внутренний карман кителя.

– Когда тебе нужны эти данные?

– Чем раньше, тем лучше.

– Хорошо, – капитан навалился всей грудью на стол, приблизив свое лицо почти к самому уху Яблочкина. – А теперь можно поговорить о договоре.

Шустов стоял у небольшого одноэтажного здания и внимательно изучал вывеску над входной дверью. Судя по ней, внутри находилось ЖЭУ того района, где проживала их заказчица.

– Ну что, Александр Семенович, пошли, что ли, пообщаемся с представителями метлы и пара? – сказал сам себе Шустов и потянул за ручку скрипучую дверь.

В коридоре, как и в первых двух кабинетах, было пустынно. «Отлично. Вполне деловая обстановка для бюджетных служащих» – отметил про себя сыщик и заглянул в третий кабинет. Там, к своему удивлению, он обнаружил пожилого грузного мужчину, который пытался что-то посчитать на калькуляторе, но, видимо, не совсем удачно.

– Вам таблицу умножения подсказать, или этот арифмо-

метр починить? – подходя к столу, спросил Шустов.

Мужчина лишь на секунду поднял глаза на вошедшего и снова погрузился в свое занятие.

– Прошу прощения, что отвлекаю, – не отставал от него Александр, – но не подскажите ли вы, где здесь начальники заседают?

На этот раз мужчина отложил калькулятор в сторону и исподлобья посмотрел на посетителя.

– Ну, я начальник. Что вы хотели?

Шустов, не спрашивая разрешения, опустился на рядом стоящий стул и, придав голосу милицейский тон, спросил:

– Вы что-нибудь знаете о семье Чурпиных, проживающей по улице Свердлова, дом 58, квартира 31?

То ли от вопроса, то ли от тона, но мужчина почему-то смутился, его круглое лицо покрылось румянцем, а руки стали судорожно переключать бумаги из одной стопки в другую.

– Я не знаю. У нас много жильцов. Надо проверить, – запинаясь, пробормотал он.

– Вот и проверяйте. Я подожду, – Александр откинулся на спинку и достал сигарету.

– У вас здесь можно курить?

– Да-да, конечно, – по-лакейски засуетился начальник и выудил из стола грязную пепельницу.

– Ну, так что вы нарыли? – поинтересовался Шустов, гася окурки.

– Вот, – мужчина вытер несвежим платком вспотевший лоб и протянул Александру листок бумаги. – Раньше в этой квартире проживало четыре человека. Теперь только двое.

– Да? – Шустов пробежал глазами по документам. – По нашим данным сейчас там проживает только вдова Федора Алексеевича Чурпина – Надежда Сергеевна, а здесь еще прописан некий Плёсов Сигизмунд (вот уж не повезло мальчику с родителями) Васильевич. Кто это?

Начальник ЖЭУ пожал плечами и затряс головой словно лошадь, отгоняющая мух.

– Понятия не имею. Его примерно, дайте взгляну... – он с удивительной для его комплекции ловкостью выхватил из рук Шустова бумагу, пробежал по ней глазами и тут же водворил ее на место.

– Точно! Год назад Надежда Сергеевна прописала к себе этого молодого человека.

– Молодого?

– Да. Ему лет 30-35.

– Вы его видели?

– Один раз. Месяца два назад Чурпина пожаловалась на то, что у нее в квартире завелись мыши, и мы, естественно, пришли с проверкой. Вот там то я его и видел.

– Описать сможете?

– Да, конечно, – мужчина от гордости выпрямил спину и стал даже несколько стройнее. – У меня очень хорошая память на лица, – не преминул он похвастаться.

– Я обязательно сообщу своему начальству, чтобы Вас взяли в архив фотографий вместо запоминающего устройства. В Вас сколько гигабайт входит?

Поймав растерянный взгляд начальника ЖЭУ, Шустов усмехнулся.

– Шучу я, давайте Ваше описание.

– Высокий, худой, очень худой, лицо вытянутое, волосы черные, длинные, волнистые, кисти рук тонкие и вытянутые, пальцы длинные, – тут он запнулся и стал напряженно что-то вспоминать. Через минуту томительного молчания он как-то странно взглянул на Шустова.

– Что-то еще вспомнили?

– Да. Пальцы. Знаете, они у него были испачканы чем-то не то красным, не то коричневым.

– Может, на кухне что делал?

– Нет. Мне показалось, что это была краска. На нем был темный халат, так он тоже был весь в пятнах.

– А запаха вы не почувствовали?

Мужчина лишь развел руками.

– Увы. У меня тогда был страшный насморк.

Шустов встал со стула и протянул для прощания руки.

– Спасибо за помощь. Мы по достоинству оценим ваше с нами сотрудничество и, в особенности, зрительную память. Будьте и впредь также бдительны.

Начальник ЖЭУ вскочил со своего кресла, вытянул руки по швам и чуть охрипшим голосом выкрикнул:

– Служу Отчеству!

– Тихо вы, – приложил палец к губам Александр. – Кругом уши. Продолжайте работать и ждите нашего человека. Когда понадобится, мы с вами свяжемся.

Сказав это, Шустов развернулся и, не прощаясь, вышел из кабинета.

У дома №58 по улице Свердлова на скамейках у подъездов, как, впрочем, и у каждого дома, стоящего вдали от центральных улиц, сидели пенсионерки. Они оживленно обсуждали найденную у одной из них врачом очередную болячку, когда к третьему подъезду подошел незнакомый им мужчина. Он с любопытством посмотрел сначала на окна квартир, затем на старушек и, заметив свободное место, присел рядом с ними.

– Здравствуйте, девочки, – приветливо улыбаясь, поздоровался он. – Как живете-можете?

Бабульки настороженно переглянулись между собой и демонстративно отвернулись от нахала.

– Ну-у-у, бывшие строительницы социализма, не побрезгуйте общением с капиталистической реальностью.

Старушки собрались было подняться со своих насиженных мест, когда мужчина встал и преградил им путь к отступлению.

– Прошу всех оставаться на своих местах, – уже строгим тоном сказал он и достал из внутреннего кармана красное удостоверение стропальщика. – Разрешите представить-

ся, майор внутренней безопасности Шустов Александр Семенович. У меня к вам будет несколько вопросов.

Пенсионерки как кролики смотрели на мелькавшую перед их носами красную книжечку и не смели пошевелиться.

– Итак, вопрос первый. Кто из вас знает Чурпину Надежду Сергеевну?

Одна из старушек первой отошла от гипноза и подала голос.

– Мы с ней почти тридцать лет в одном подъезде живем. Все её знаем.

– И что она за женщина?

Пенсионерки пожали плечами.

– Женщина, как женщина. Ничего особенного. Была замужем за инженером, потом, когда тот умер, одна осталась.

– А дети?

– Что дети. Выросли, выучились, да и разлетелись кто куда. Людка, так та аж за границу махнула, в Америку, Буш ей в глотку. Так что Сергеевна одна век доживает, одна.

– Постой, Михайловна. Как Людка в Америке? Я ж её на прошлой неделе видела, – встрепенулась худенькая старушка.

– Да нет, Петровна, не могла ты её видеть. Она уже лет десять тут не показывается, а то и больше.

– А я говорю, что видела, – не сдавалась она. – Что я, Людку не знаю? С малых лет возле меня терлась, и живем мы на одной площадке, если помнишь. Так вот, – повернулась Пет-

ровна лицом к Шустову. – Выхожу я тогда из квартиры, мне надо было в аптеку сбегать, а тут дверь у них, у Чурпиных, значит, открывается, и выходит оттуда Люда.

– Подождите, – остановил её Александр и достал блокнот с ручкой. – Теперь с этого места поподробнее. Она одна вышла?

– Одна, – закивала головой старушка. – Но только проводжала её не мать, не Надя. За дверями какой-то парень стоял.

– Вы его разглядели?

– Не очень. Он, как меня увидел, сразу дверь захлопнул. Заметила только, что высокий, волосы длинные такие, черные.

– Скажите, а Людмила выходила налегке или с сумкой?

– Нет, не с сумкой, – глаза у старушки загорелись, и она перешла на громкий шепот. – У неё в руке было сто-то большое, плоское, вроде зеркала или картины. Точно! Картина. Она как мимо меня прошмыгнула, я заметила, что на уголке бумага-то разорвалась и вроде как рамка позолотой поблескивает.

– Спасибо. А этого парня с волосами вы раньше не видели?

– Не-е-т, – старушка усиленно завертела головой.

– Как ты говоришь? Высокий, патлатый? Я, кажется, его видала, – вступила в разговор полная пенсионерка, сидящая на краю скамейки. – Он каждый вечер ходит в магазин, который за углом, и набирает там пива.

– А откуда ты знаешь, что он именно туда ходит? – ехидно спросила её Петровна.

– Так я же на первом этаже живу. Телевизор не смотрю, там одни ужастики показывают или девок срамных, вот и люблю у окошка посидеть. Я его уже с той зимы заприметила. Как только темнеть начинает – он шаст из подъезда за угол и через десять минут идет с ящиком пива в руках. Только я думала, это новый жилец из 44 квартиры.

– Не. Из сорок четвертой постарше будет, – возразила ей Михайловна. – И ростом пониже, и вообще.

– Спасибо, – прервал её словесный поток Шустов. – Про других мы в следующий раз поговорим. А кто еще живет на вашей площадке? – обратился он к Петровне.

– Ну, мы, Надя, в тридцатой – Бузовы, а тридцать вторую сдают.

– Кому?

– Не знаю. Парню какому-то. Я его сама ни разу не видела, только вечерами музыка там гремит, хоть уши затыкай.

– Все ясно. Еще раз спасибо. Вы нам очень помогли, – Шустов захлопнул блокнот и поднялся на крыльцо.

– А что они натворили? – осмелилась спросить вертящийся у всех на языке вопрос Петровна.

– Ничего особенного. Просто, кажется, именно этот молодой человек задолжал нам ящик пива, – повернувшись, он быстрым шагом прошел в подъезд, чтобы не рассмеяться, глядя на их вытянутые лица.

Поднявшись на четвертый этаж, Шустов немного постоял, прислушиваясь, у 32 квартиры и нажал на кнопку звонка. Прошла томительная минута тишины, и когда Александр уже собирался позвонить еще раз, за дверью послышались шаги, и юношеский голос спросил:

– Кто там?

– Это ты там, а я тут, – усмехаясь про себя, ответил Александр. – Из института за тобой, собирайся, твою группу срочно в деканат вызывают. Замок щелкнул, и в дверях появился испуганный, заспанный юноша.

– В чем дело?

Шустов снова достал из кармана красную книжечку:

– Я из милиции. Разрешите войти.

Парень, испуганно моргая, отступил в сторону. Александр неспеша прошелся по небольшой однокомнатной квартире, внимательно осматривая каждый угол. В комнате с минимумом обстановки царил студенческий беспорядок, на кухне было не чище.

– Да, – покачал головой Шустов. – Ты бы хоть подружек иногда к себе приглашал, что ли.

– Зачем? – еще не совсем проснувшись, не понял парень.

– Чтобы прибрались здесь. Вон какой бардак. Кстати, – не давая опомниться, продолжал Шустов, расхаживая по квартире, юноша, как привязанный, шел следом. – Соседи жалуются, что ты по вечерам музыку на всю громкость включаешь.

– Так я, это, вроде бы и нет, – ошарашено ответил парень.

– Ты смотри у меня. Еще одна жалоба и будешь искать другое жилье. Наркотиками не балуешься?

– Не-ет.

– А что у тебя в тумбочке? – не ожидаясь ответа, Шустов присел и открыл нижний кухонный шкафчик. – Да. Здесь даже мыши повеситься негде. Чем ты питаешься?

– Да так. Что из дома присылают, а что друзья приносят, – уклончиво ответил парень.

– В общем, я тебя предупредил. Еще одна жалоба и... гуляй Вася.

– Я Витя.

– Тогда гуляй, Витя. Пока.

Оставив в недоумении стоять посреди кухни молодого человека, Шустов вышел из квартиры.

– Ты где запропастился? Виндовс тебе в ухо. Я два часа тебя дожидаюсь. Всю нечисть истребил, а ты как в водку канул, – набросился на Александра Яблочкин, как только тот переступил порог офиса.

– Да так. Дышал воздухом, с интересными людьми общался, – уклончиво ответил Шустов и присел на своё любимое место у стола.

– Ну и что надышал?

– Да так, все больше по мелочи.

– А поподробнее?

Александр закурил и, навалившись грудью на стол, принялся рассказывать о проделанной работе.

– И какая из этого всего у тебя складывается картина? – спросил Шустова Гена, когда они обменялись информацией. – У меня лично – никакой. Перемешанные пазлы, а не натюрморт. Почему Чурпина не сказала нам, что её дочь уже здесь, а не в стране иммигрантов? Кто такой этот патлатый, и что он делает в квартире? Зачем Людмила тащит из дома вещи?

– А, может быть, этот чернявый и тырит по ночам у Бабульки котлеты со сковородки? – предположил Александр.

– Все может быть, – задумчиво произнес Яблочкин и тут же отмахнулся от этой мысли, как от назойливой мухи.

– Хотя вряд ли. Зачем ему, в таком случае, красть кастрюльку?

– Тоже верно. Ладно, на сегодня хватит, а завтра я попытаюсь снова встретиться с нашей подопечной. Может еще чего расскажет.

– Лучше всего это сделать после завтрака. Сытые старушки гораздо болтливее, – дал совет Шустову Гена.

Александр поблагодарил своего босса за подсказку и вышел. Яблочкин еще некоторое время смотрел на дверь, потом закурил и потянулся к телефону.

– Здравствуйте, Надежда Сергеевна, – поздоровался Александр, когда женщина открыла перед ним дверь.

– А, это вы. Уже нашли вора? – не отвечая на приветствие,

меланхолично спросила она.

– Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается, – улыбаясь, ответил Шустов. Можно войти?

– Зачем? – Чурпина вышла на площадке и захлопнула за собой дверь.

– Х отелось бы еще с вами поговорить. Вы такая чудесная собеседница.

– Вы мне зубы не заговаривайте, – зло оборвала его женщина. – Что еще нужно? Денег?

– Нет, что вы, – замахал руками Александр. – Просто хотел задать еще два-три вопроса.

– Задавайте.

– Но здесь как-то неудобно. Вдруг нас подслушивают.

– Ничего. Пусть слушают.

– Ну что ж, – выдохнул Шустов. – Здесь, так здесь. Тогда скажите мне, пожалуйста, кто этот молодой человек, который живет в вашей квартире?

– Сигизмунд. Мой племянник, – словно ожидая этот вопрос, сразу ответила она и, не дожидаясь других вопросов, сама перешла в словесную атаку. – Но, во-первых, он здесь не живет, а иногда бывает, а во-вторых, к нашему делу он не имеет никакого отношения.

– Не факт.

– Факт. Когда происходили исчезновения, его здесь не было.

– А ключи у него есть?

Надежда Сергеевна на секунду замаялась, но затем утвердительно кивнула головой.

– Вот, а вы говорите, – довольно кивнул головой Александр. – А чем ваш племянник занимается?

– Он художник, – с гордостью сказала Чурпина. – Еще вопросы будут?

– Да. Картины, что у вас висят – это копии?

– Подлинники, – чуть помедлив, настороженно ответила женщина. – А что?

– Нет, ничего, люблю, знаете ли, хорошую живопись.

Надежда Сергеевна, прищурившись, посмотрела на детектива.

– Вы Рембрандта от Пикассо отличить можете?

Шустов, не ожидавший такого вопроса, растерялся.

– Думаю, что нет, – ответила на свой вопрос женщина и взялась за дверную ручку. – Надеюсь, больше вопросов нет?

– Последний. Скажите, ваша дочь никогда сюда в гости не приезжала?

Чурпина пошатнулась от вопроса, словно от удара, повернулась к Шустову спиной и бросила через плечо:

– Нет. До свидания, у меня много работы.

– До свидания, – ответил Александр уже захлопнувшейся двери. Он еще с минуту постоял на лестничной площадке, закурил и отправился в офис.

Шустов уже второй час подряд тупо раскладывал пасьянс «Косынка», когда в кабинет вихрем влетел Яблочкин.

– Ты уже здесь? Очень хорошо. Собирайся, поедem в аэропорт.

– Королева Елизавета прилетает, хочет, чтобы мы встречали ее у трапа? – поинтересовался Александр.

– Вроде того. Людмила Чурпина через час будет в аэропорту. Поехали. Все подробности по дороге.

Шустов выключил компьютер и, подталкиваемый Яблочкиным, вышел из офиса.

– А теперь давай все по порядку. К чему такая спешка? За каким чебуреком мы несемся в этот аэропорт? И вообще, зачем нам эта Людмила? Ты думаешь, это она у матери тушенку слопала? – засыпал Гену вопросами Шустов, когда машина рванула с места, не обращая внимания на ограничение скорости.

– То, что она причастна к похищению кастрюльки, я никогда не думал, – ответил ему Яблочкин, когда их «Форд» вырулил на дорогу, ведущую к аэровокзалу. – Здесь совсем другое. Я с утра навестил старлея, ну, ты помнишь, того следователя, что согласился нам помочь, и попросил его пробить по компьютеру фамилии Чурпины и Плесов. Наша подопечная перед законом оказалась чиста, а вот Плесов... – тут Гена выдержал паузу и, не дождавшись никакой реакции со стороны Шустова, несколько разочарованно продолжил. – Он был замешан в одной довольно грязной истории с подделкой картины, но так как суду доказать ничего не удалось, этот племянничек вышел сухим из воды.

– После этого случая Зигмунд сменил место жительства, – высказал вслух свою мысль Александр.

– Верно, – Яблочкин удивленно взглянул на друга. – А ты откуда знаешь?

– Просто предположение. Но мне все равно не понятно, зачем нам мчаться встречать эту любительницу бесплатного сыра?

– Поясняю. Полгода назад в городе снова появились подделки, то теперь уже, по версии заявителей, они были привезены из-за рубежа. Усекаешь?

– Это все понятно. Непонятно, зачем мы в аэропорт едем.

– Тьфу ты, – плюнул в сердцах Яблочкин и до конца пути больше не проронил ни слова.

– Ладно. Раз мы уже здесь, хоть узнаем, где она проживает. Кстати, у тебя ее фотография есть?

– Нет, а что? – настороженно спросил Яблочкин.

– Как же мы ее узнаем? Я, допустим, ее никогда не видел, а ты?

– Тоже, – Гена резко затормозил и вопросительно поглядел на Шустова. – Что будем делать?

Александр запрокинул голову и затрясся в безудержном смехе.

– Ай да великие сыщики! Ай да Шерлок Холмс и Ватсон! Приехать на слежку и не знать в лицо объект. Это могли, наверное, только мы. Разворачивайся, месье Пуаро, поедем к дому Чурпиной.

Яблочкин, заразившись весельем от Александра, громко хохоча, развернул машину, и они помчались обратно в город.

– Ты думаешь, она направится прямо сюда? – спросил Генна Шустова, когда, свернув с оживленной улицы во двор дома заказчицы, он с трудом нашел место на стоянке.

– Скорее всего – нет, но мне очень хочется поболтать с этим Сигизмундом. Блин. Скользкое какое-то имя. Мылом отдает.

– А ты его не ешь. Как ты себе это представляешь, эту встречу? Я думаю, пока этот племянничек здесь, нас вряд ли она пустит в квартиру.

– Есть у меня одна мысль. У тебя есть деньги? – Яблочкин удивленно взглянул на Александра, но, ничего не сказав, достал портмоне.

– Сколько?

– На бутылку пива.

Получив деньги, Шустов открыл дверцу машины.

– Там, за углом, есть магазин. Я пойду туда, а ты следи за подъездом. Как только оттуда выйдет худой патлатый, сразу мне маякни. Добро?

– Хорошо. А, может, мы вместе его там подождем? – У Яблочкина от возбуждения загорелись глаза.

– Не стоит. Во-первых, толпой мы его можем спугнуть, а во-вторых, тебе пиво нельзя, ты за рулем. Поэтому следи и маякуй, – сказав это, Александр вышел из машины и через минуту скрылся за углом. Яблочкин же, настроив приемник

на «Русское радио», откинулся на спинку сидения и принялся ждать.

Часа через два томительного ожидания дверь подъезда отворилась и из него, озираясь, вышел молодой человек, очень похожий по описанию на Плесова. Немного постояв у подъезда, парень закурил, и двинулся в ту же сторону, куда отправился Шустов. Яблочкин напрягся и протянул руку к телефону.

– Александр? Кажется, к тебе гости.

– Наконец-то, – раздался в трубке вздох облегчения. – А то у меня в руках пиво уже закипать начинает. Да и глаза уже всем промозолил.

– Пусть купят себе мозольный пластырь. Все. Встречай. Отбой.

Подождав, когда Сигизмунд скроется за дверью магазина, Шустов привычным движением открыл бутылку, и поднес горлышко ко рту.

– Парень, слышь, у тебя огонька не найдется?

Плесов повернул голову и увидел, что ему наперез идет, чуть покачиваясь, мужчина с начатой бутылкой пива в одной руке и незажженной сигаретой в другой. Немного поколебавшись, он все же поставил ящик со спиртным на асфальт и полез в карман за зажигалкой.

– Вот спасибо, а то такое ощущение, что все в городе курить бросили, ни у кого нет.

Получив зажигалку обратно, Сигизмунд подхватил

ящик, и двинулся дальше. Мужчина пошел рядом.

– Тебя как звать? – спросил незнакомец Плесова, сделав большой глоток из бутылки.

– С-Саша, – чуть помедлив, сказал Сигизмунд.

– Тезка значит, – лицо мужчины расплылось в довольной улыбке. – У тебя, я вижу, сабантуйчик намечается?

– Вроде того, – недовольно поморщился Плесов и ускорил шаг, но незнакомец не отставал.

– А, может, и я не «хвост» упаду? Бабки у меня есть.

– Нет. Мы своей компанией. И вообще, – Сигизмунд вдруг остановился и зло взглянул на прицепившегося к нему выпивоху. – Ты чего за мной увязался? Прикурил? Все. Свободен.

Не дожидаясь ответа, Плесов крепче ухватился за ящик и почти бегом направился к подъезду.

Проводив его взглядом до двери, Шустов докурил сигарету и не спеша пошел к машине.

– Чего он от тебя рванул, как от налоговой? – спросил Яблочкин Александра, когда тот забрался на соседнее сидение.

– Не захотел пивом делиться. Жмот, – улыбаясь каким-то своим мыслям ответил Шустов. – Ладно, дубеем считать, что знакомство состоялось. Теперь начинается завершающий этап операции.

– Что, уже? – даже слегка подпрыгнул Гена от изумления. – Я что-то недопонимаю. Что значит «завершающий этап»?

– А то и значит, – Александр, не переставая улыбаться, повернулся к Яблочкину. – Я сейчас выхожу из машины и остаюсь здесь, а ты едешь к своему прапорщику.

– Старлею.

– Без разницы. И говоришь ему, что если он хочет иметь еще одну звездочку на погоны, то пусть берет с собой пару молодцев и по моему сигналу мчит вместе с тобой сюда.

– И?

– И все.

– Не понял, – Яблочкин начал нервничать и от этого злиться. – Ты толком объяснить можешь?

– Могу, но это будет довольно долго. Скажешь ему, что дело касается поддельных картин.

Геннадий пристально поглядел на Шустова, и его лицо осветила догадка.

– Ты думаешь?..

– Уверен. Все, езжай. Остальное потом.

Выйдя на тротуар, Александр проводил взглядом удаляющуюся машину, поежился от наступающей вечерней прохлады и, не торопясь, направился к подъезду.

Людмила Федоровна появилась у дома матери ближе к полуночи. Шустов едва не проворонил её, отойдя за ближайший куст по малой нужде. Когда женщина скрылась за дверью подъезда, Александр достал телефон, и набрал Геннадия.

– Птичка на месте. Вези волкодавов.

– А ты уверен, что это она? – усомнился Яблочкин.

– Процентом на 90. Мне кажется, не многие жильцы приезжают домой на такси, да и возраст подходит. Так что шансы, что не ошибся, довольно велики. Да и в любом случае нашей милиции полезно иногда проветриться.

– Хорошо. Скоро будем.

Минут через двадцать у 53 дома остановилась очередная машина, и из нее вышли три милиционера и Яблочкин.

– Где она? – безо всякого приветствия спросил Шустов Говорко.

– В квартире.

– Ну, смотрите у меня, – следователь помахал пальцем перед носом у сыщиков. – Если ошиблись, то я вас обоих на 15 суток упеку. Усекли?

– Грозить потом будете, – отмахнулся от его реплики Шустов. – Теперь главное попасть в квартире до того, как они заметут следы. Ордера то у вас на обыск нет? Вот то-то. Что вы делаете? – воскликнул Александр, заметив, что Говорко пытается набрать на домофоне номер квартиры. – Мы так их спугнем. Дайте я.

Оттеснив старлея от двери, Шустов быстро набрал соседний номер.

– Петровна, здравствуйте, – поздоровался он, когда ответили на вызов. – Вас беспокоит майор Шустов. – Александр искоса взглянул на Говорко и виновато развел руками. – Вспомнили? Откройте дверь, нам нужно навестить од-

ну семью. Спасибо, – поблагодарил он, когда услышал щелчок открывшегося замка.

Поднявшись на нужный этаж, следователь отодвинул всех на второй план, и взял ведение операции в свои руки.

– Откройте! Милиция! – киношным требованием ответил Говорко на вопрос за дверью «Кто там?». В квартире послышалась возня и топанье.

– Мы взломаем дверь! Немедленно открывайте!

Замок щелкнул, и дверь чуть приоткрылась. Старший лейтенант рывком распахнул ее и, оттолкнув испуганную Надежду Сергеевну, вбежал в квартиру.

– Здравствуйте, – поздоровался с женщиной Шустов.

– А-а-а. И вы здесь! – воскликнула Чурпина, узнав детективов. – Стервятники слетелись на добычу?!

– Ну, зачем же так высокопарно, – выступил вперед Яблочкин. – Мы просто добросовестно делаем свое дело.

В это время представители власти вывели из комнаты Плесова и Людмилу. Один из милиционеров держал в руках небольшую картину.

– Прекрасно сработали, парни, – довольно улыбаясь, как кот, объевшийся сметаны, похвалил сыщиков следователь. – Взяли тепленькими.

– Всегда рады помочь.

– Мы в отделение. Вы с нами?

– Нет. У нас еще здесь кое-какие дела, – ответил за Яблочкина Шустов. – Вызывайте свою машину.

Не обращая внимания на недовольную мину старлея, Александр прошел вглубь квартиры, увлекая за собой Яблочкина.

– Ну, вот и все. Конец истории с поддельными картинами, – подытожил Шустов, устраиваясь в зале на диване. Он с сочувствием посмотрел на постаревшую вдруг Чурпину и глубоко вздохнул.

– Вы ведь и правда не знали, что они подделывают и продают картины?

Надежда Сергеевна отрицательно покачала головой.

– Он никогда не показывал своих работ, – тихо сказала она. – А Люда, когда приезжала, всегда говорила, что просто соскучилась по мне. Но я никогда не видела, когда она уходит.

– Когда вы стали догадываться о том, что здесь что-то не так?

– В прошлый её приезд. Они с Сигизмундом при мне стали обсуждать какую-то сделку, что пора, мол, искать покупателей в других городах, что здесь становится опасно и т.д.

– И вы тайком заглянули в работы вашего племянника?

– Да, – женщина кивнула головой.

– Вы мне, наконец, толком можете объяснить, что все это значит? – не выдержал Яблочкин.

– Все очень просто, – Александр устроился поудобней и забросил ногу на ногу.

– Окончив художественную школу, Плесов стал промыш-

лять тем, что искусно создавал подделки знаменитых художников. Но в один прекрасный день чуть не погорел. Тогда он сменил место жительства, переехав к тетке, и предложил своей двоюродной сестре выгодную сделку. Нуждаясь в деньгах даже в стране «неограниченных возможностей», она с радостью согласилась выдавать его работы за привезенные из-за «бугра» подлинники. Вот собственно и все. Я прав? Надежда Сергеевна?

Женщина спрятала лицо в ладони и разрыдалась.

– Ничего не понимаю. А кто воровал еду и деньги?

– А-а-а, – Шустов лукаво улыбнулся. – Идемте на кухню.

Пройдя туда, Александр обратился к Чурпиной:

– У вас мясо или фарш есть?

Женщина, немного успокоившись, достала из холодильника полуфабрикат.

– Отлично. Сейчас будем жарить котлеты.

Через полчаса по квартире распространился дразнящий аромат свежеизжаренных шницелей.

– А теперь можете взять по одному, – предложил Шустов, когда все было готово. – Но потом мы выключим свет.

– Зачем? – спросил Яблочкин, кладя на хлеб аппетитный ужин.

– Узнаешь.

В темноте и молчании им пришлось провести чуть более получаса, когда в нижней тумбочке раздался шорох.

– Ой! – испуганно воскликнула Чурпина.

Шустов вскочил с места и распахнул дверцы:

– Гена, зажги свет.

Когда на кухне стало светло, все увидели, что Александр держит за шиворот вырывающегося студента.

– А вот и та самая мышь, Надежда Сергеевна, на которую вы ставили мышеловку.

Все стояли, в немом изумлении глядя на красного от стыда и страха юношу.

– Но как ты догадался, что это он? – выдавил из себя Яблочкин.

– Элементарно, Ватсон. Когда я был в его берлоге, то заметил там уж очень подходящую под описание пропавшую кастрюльку, а когда заглянул в тумбочку, увидел, что там нет задней стенки. Остальное все очень просто. Парень в поисках пропитания воспользовался тем, что его кухня соединяется с этой тонкой перегородкой. Он тихо разобрал часть её и – готово, дверь в закрома родины открыта. Что прикажете с ним делать, Надежда Сергеевна?

– Отпустите его. Он же голоден, – вдруг сказала женщина и оттолкнула от него Шустова. – Бедненький. Ты бы пришел, попросил, разве ж я отказала бы. Садись вот, кушай.

Она усадила растерявшегося парня за стол и придвинула к нему тарелку с котлетами.

– А вам, – Чурпина повернулась в сторону сыщиков, – большое спасибо и до свидания. Вот остальная сумма за работу. Надеюсь больше вас не увидеть.

Женщина достала из кошелька деньги, сунула их Яблочкину и почти силой выпроводила из квартиры.

– Да. Как-то... – растерянно почесал затылок Гена.

– А что ж ты думал? Такая наша работа – собачья. Поехали домой, я спать хочу.